

И. С. ТУРГЕНЕВ и ПРОСПЕР МЕРИМЕ

Статья М. Клемана

Со второй половины пятидесятых годов И. С. Тургенев почти постоянно жил за границей, лишь наездами бывая в России — в Петербурге, Москве и в своем орловском поместье, с. Спасском-Лутовинове. В Берлине, Париже, Баден-Бадене и Лондоне завязывались у русского романиста многообразные отношения с выдающимися представителями европейской литературы. Г. Гервег, Б. Ауэрбах, Т. Шторм, Жорж Санд, В. Гюго, Г. Флобер, Э. Гонкур, Э. Золя, Ги де Мопассан, Ч. Диккенс, Дж. Элиот, А. Теннисон, Г. Бичер-Стоу, Г. Джемс — таков блестящий круг западных друзей и знакомых Тургенева.

Живя за границей, Тургенев налаживал связи между русской и западной литературой. Он организовывал французские, немецкие и английские переводы сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Щедрина, Писемского (Пушкина и Лермонтова переводил сам в сотрудничестве с Л. Виардо и П. Мериме). Он популяризировал в России Э. Золя и Г. Флобера, две новеллы которого перевел в 1876 г. для «Вестника Европы».

Посредническая роль Тургенева между русской и западно-европейской, в первую очередь французской, литературой еще в достаточной мере не обследована. Многие документы, проясняющие ее, остаются неопубликованными или затеряны в старых и малодоступных изданиях. Но роль эта была тем более значительна и богата по результатам, что Тургенев выступил в ней как раз в те годы, когда рост экономических связей России с европейскими странами заставлял западную буржуазию ближе присмотреться к культуре далекой и малознакомой северной страны.

С этой точки зрения, учитывая взятую на себя Тургеневым роль пропагандиста русской литературы в Европе, и особенно во Франции, необходимо подвергнуть более детальному обследованию его связи с французскими писателями.

Л. Фридлендер вспоминал о Тургеневе: «Из французских авторов особенно любил он Мериме и Флобера, с которым был лично дружен». Это наблюдение было вполне справедливо. Несомненно, наиболее тесные отношения связывали Тургенева с Проспером Мериме и Гюставом Флобером. Но если перипетии его знакомства с автором «Мадам Бовари» могут быть прослежены в деталях по многочисленным документам, то история его отношений с Мериме остается все еще мало освещенной, несмотря на то, что к изучению ее неоднократно возвращался ряд исследователей — и в биографиях Мериме (Филон, Траар), и в специальных статьях об его русских связях (Каэн, Монго). Основным препятствием являлись скудость и разбросанность документальных данных. Собрать эти данные воедино, привлечь к ним ряд материалов, ранее не учтенных исследователями (например, некролог Тургенева о Мериме), и является задачей настоящей статьи.

I

На страницах дошедшей до нас переписки Тургенева имя Мериме мелькает всего несколько раз. Своим тоном эти беглые упоминания свидетельствуют о дружеской близости между обоими писателями, но не дают достаточных материалов для восстановления истории их отношений. Только однажды Тургенев остановился подробнее на характеристике своего знакомства с Мериме — в ответе на специальный запрос, сделанный через два года после смерти французского писателя. Избранный на место Мериме во Французскую академию Леонар де Ломени, готовясь к торжественной вступительной речи, традиционному похвальному слову своему предшественнику, обратился за информацией к Тургеневу. Просьба поделиться воспоминаниями и материалами была передана при посредстве постоянно жившей в Париже семьи эмигранта-декабриста Н. И. Тургенева. Отвечая на запрос, русский романист писал 15/27 июня 1872 г. из Москвы Фанни Тургеновой:

«Я, действительно, хорошо знал Мериме в последние годы его жизни — очень любил его — и, думаю, что хорошо изучил его характер. Я готов быть в распоряжении г. Ломени для сообщения всех необходимых ему сведений — хотя, по правде говоря, я предпочел бы другого панегириста или, скорее, другого биографа — не потому, чтобы я сомневался в таланте г. Ломени — но между ним и Мериме слишком мало точек соприкосновения: эти две натуры слишком различны. Храня дорогую мне память Мериме, я желаю, чтобы ему была отдана полная и совершенная справедливость — и буду счастлив содействовать этому».

В дальнейших строках письма Тургенев давал подробные сведения о своей переписке с французским писателем: «Что же касается до писем Мериме, то их у меня, действительно, около сотни — среди них имеются очень любопытные — но вся моя корреспонденция находится в Бадене — и я буду ее иметь в Париже только к началу зимы. Вообще говоря, эти письма писаны несколько в стиле... Рабле; однако, нет речи о том, чтобы их не публиковать. Все устроится, если г. Ломени может подождать до октября или ноября»¹.

В следующем письме к Ф. Тургеновой от 17 октября н. ст. 1872 г. возвратившийся в Париж Тургенев подтверждал согласие дать Ломени необходимые сведения: «Я буду в распоряжении г. Ломени завтра с 1 ч. — и постараюсь сказать ему все, что только вспомню о Мериме»².

Из беглого упоминания в похвальном слове, прочитанном Ломени на открытом заседании Французской академии 8 января 1874 г., выясняется, что Тургенев действительно показал ему, по крайней мере, некоторые из писем Мериме. Рассказывая о последних часах Мериме, Ломени сообщил: «Он написал три письма, одно из них теперь опубликовано, второе, которое я читал, содержит очень общую оценку одной русской статьи, присланной его другом, г. Иваном Тургеневым. Это письмо свидетельствует, что Мериме еще вполне владел своим рассудком»³.

Переписка Тургенева и Мериме могла бы служить наиболее надежным источником для изучения отношений обоих писателей. К сожалению, из писем Мериме, долгое время считавшихся утраченными, к настоящему моменту опубликованы целиком только четыре документа, а из остальных найденных писем напечатаны пока немногочисленные отрывки.

Ответные письма Тургенева погибли безвозвратно — они сгорели в 1871 г. при пожаре, истребившем весь парижский архив Мериме.

Тургенев встретился в первый раз с Мериме в Париже, в феврале 1857 г. Зима 1856—1857 г. была богата для русского писателя новыми знакомствами. Если в свои предыдущие посещения Франции (в 1845 г. и в 1847—1850 гг.) Тургенев держался в стороне от литературных и журнальных кругов, то при появлении в Париже осенью 1856 г., после шестилетнего вынужденного пребывания в России, он задался целью ближе сойтись с французскими писателями. Тургенев преследовал при этом профессиональные литературные цели. Перед отъездом за границу он заключил «обязатель-

И. С. ТУРГЕНЕВ

Рисунок Э. Липгарта, сделанный с натуры в Париже
Литературный музей, Москва

ное соглашение» с редакцией «Современника» об исключительном сотрудничестве в этом журнале. «Соглашение» предусматривало разнообразные формы содействия изданию. Тургенев должен был присылать не только свои художественные произведения, но и доставлять информацию о литературной и артистической жизни Парижа, намечать к переводу вновь вышедшие книги и т. д. Исполняя принятые на себя обязательства, Тургенев стремился расширить круг своих знакомств. Вскоре по приезде во Францию он писал из Куртавнеля И. И. Панаеву: «Обещаю тебе, что употреблю все усилия, чтобы поддержать «Современник» — и собственными трудами и сообщением разных новостей, известий, названий книг для

переводов и т. д. За все это я примусь как только перееду в Париж — т. е. через три недели. Я, однако, проездом в Париже познакомился с некоторыми литераторами — и в течение зимы я, вероятно, всех их увижу — так же, как и издателей здешних Revues»⁴. Через месяц Тургенев сообщал из Парижа С. Т. Аксакову: «Хочу я познакомиться с здешними литераторами, хотя ни к одному не чувствую симпатии и ничего не ожидаю для себя от этого знакомства; но оно любопытно — и, может быть, и поучительно»⁵. В следующем письме к тому же корреспонденту, от 8 января 1857 г., Тургенев делился уже результатами своих первых наблюдений: «Я с тех пор, как писал вам, познакомился со многими здешними литераторами — не со старыми славами, бывшими коноводами — от них, как от козла, ни шерсти, ни молока — а с молодыми, передовыми. Я должен сознаться, что все это крайне мелко, прозаично, пусто и бесталанно. Какая-то безжизненная суетливость, вычурность, или плоскость бессилия, крайнее непонимание всего нефранцузского, отсутствие всякой веры, всякого убеждения, даже художнического убеждения — вот что встречается вам, куда ни оглянитесь. Лучшие из них это чувствуют сами и только охают и кричат. Критики нет, — дрянное потакание всему и всем; каждый сидит на своем коньке, на своей манере и кадит другому, чтобы и ему кадили — вот и все»⁶.

В этом же письме Тургенев характеризовал, не называя имен, поэзию парнасца-классика Леконта де Лиля и реалиста Максима Дю-Кана, введившего в свои стихи индустриальную тематику:

«Один стихотворец вообразит, что нужно «проводить» реализм, и с усилием, с натянутой простотой воспекает «пар» и «машинь», другой кричит, что должно возвратиться к Зевсу, Эроту и Палладе — и воспекает их, с удовольствием помещая греческие имена в свои французские стишки; и в обоих капли нет поэзии. Сквозь этот мелкий гвалт и шум пробиваются, как голоса устарелых певцов, дребезжащие звуки Гюго, хилое хныканье Ламартина, болтовня зарпортованной Санд; Бальзак воздвигается идолом и новая школа реалистов ползет в прахе перед ним, рабски благоговей перед Случайностью, которую величают Действительностью и Правдой; а общий уровень нравственности понижается с каждым днем и жажда золота томит всех и каждого — вот вам Франция».

Весной 1857 г. Тургенев подводил итоги своим зимним впечатлениям: «Ни в одно мое пребывание в Париже не познакомился я с таким множеством людей, как в это... но удовольствия мне эти знакомства не доставили — даже любопытство не удовлетворено — может быть от того, что не до наблюдений и изучений, когда самому плохо»⁷.

Сходясь с французскими писателями и журналистами и усиленно посещая литературные салоны, Тургенев неизбежно должен был встретиться с Мериме, проводившим большую часть зимы в Париже. Первая встреча писателей произошла во второй половине февраля 1857 г., по возвращении Мериме из поездки на юг Франции⁸. Впервые о вновь завязанном знакомстве Тургенев сообщил В. П. Боткину 1 марта 1857 г.: «Я познакомился здесь со многими людьми, между прочим с Мериме. Я вообще приятно бы мог проводить время, если бы не был отравлен. Увидимся, многое расскажу — а писать не хочется»⁹. Подробнее о новом знакомстве Тургенев писал неделей позднее М. Н. Лонгинову: «Я познакомился со многими литераторами, и с Мериме. Похож на свои сочинения: холоден, изящен, с сильно развитым чувством красоты и меры и с совершенным отсутствием

не только какой-нибудь веры, но даже энтузиазма»¹⁰. Скупее и выразительнее характеризовал Тургенев своего нового знакомого в письме к П. В. Анненкову от 10 марта н. ст. 1857 г. из Дижона: «А propos, я познакомился с Мериме: похож на свои сочинения; и с Мармье: и этот тоже похож на свои сочинения»¹¹.

Зимой 1856—1857 г. Тургенев неоднократно писал ряду своих корреспондентов о встречах с парижскими литераторами. Нужно, однако, отметить, что сообщения Тургенева отличались суммарностью, — он почти не называл имен своих новых знакомых и ограничивался общими характеристиками литературных салонов, не выделяя никого из толпы их завсегдатаев. Исключение было сделано для одного Мериме. О встрече с ним Тургенев сообщил почти одновременно в письмах трем корреспондентам — В. П. Боткину, М. Н. Лонгинову и П. В. Анненкову. Хронологическая близость этих трех писем заставляет предполагать, что все они были написаны в ближайшие же дни после первой встречи писателей.

II

Трудно сказать, при чем посредстве, при каких обстоятельствах произошло знакомство Тургенева с Мериме. Французский писатель поддерживал постоянные отношения с русской колонией в Париже. Посредником мог быть Н. А. Мельгунов, с которым Тургенев часто встречался зимой 1856—1857 г. и который поддерживал постоянную связь с Мериме. Встреча могла состояться и в салоне г-жи д'Агу, — о частых посещениях этого салона Тургенев писал Герцену¹². Однако, для личного знакомства обоих писателей вряд ли и нужно было особое посредничество — их первая встреча была подготовлена годами длительного заочного знакомства.

Не случайно, конечно, Тургенев в письмах к друзьям давал вместо характеристики Мериме ссылку на его сочинения: они были прекрасно известны в литературных кругах Петербурга и Москвы. Сам Тургенев, широко осведомленный во всех крупнейших явлениях европейской литературы, не был простым читателем Мериме, — он был связан с ним гораздо интимнее. В первую пору своей литературной деятельности, в своих ранних драматических опытах, Тургенев находился под несомненным влиянием французского писателя. Весной 1842 г. он работал над вольной переделкой комедии Мериме «Искушение св. Антония» («Une femme est un diable ou La tentation de Saint-Antoine»), а в первом появившемся в печати драматическом произведении, «Неосторожности» (1843), воспроизводил в самостоятельном художественном наброске характерные построения «Театра Клары Газуль»¹³. К авторитету Мериме Тургенев апеллировал и в своих ранних критических статьях. В рецензии на драму С. А. Гедеонова «Смерть Ляпунова» (1846) Тургенев вспоминал, наравне с драматическими хрониками Шекспира, «Гёцом фон-Берлихингенем» и романами Вальтера Скотта, также и хроники Вите и М е р и м е¹⁴. Интерес к французскому писателю, несомненно, возрос в России, когда он выступил в качестве переводчика и популяризатора русской литературы во Франции. Русские интересы Мериме к 1857 г. вполне определились. К этому времени уже появились его переводы «Пиковой дамы» (1849), «Цыган» и «Гусара» (1852), «Ревизора» (1853), «Выстрела» (1856), появилась драматическая хроника «Лже-Дмитрий» (1852) и был напечатан ряд статей по русской истории и русской литературе, в том числе статья о Гоголе (1851) и о «Записках охотника» (1854)¹⁵.

Встреча с Мериме, вне сомнений, была для Тургенева более значительным событием, чем знакомство с рядом других французских литераторов, о которых он лишь мельком упоминает в своей переписке. Это была встреча с признанным мастером художественной прозы, влияние которого Тургенев испытал на себе, встреча с переводчиком Пушкина и Гоголя, популяризатором русской литературы, одним из первых рекомендовавшим французским читателям «Записки охотника».

Не меньший интерес к личному знакомству с Тургеневым должен был проявить и Мериме.

Произведения Тургенева сравнительно рано стали известны за пределами России. Уже в 1854 г., т. е. через два года после выхода в оригинале отдельной книгой, «Записки охотника» были полностью переведены на французский язык Шарьером и выдержали в течение полутора лет два издания¹⁶. Интерес к «Запискам охотника» вызывался во Франции особыми причинами. Перевод Шарьера появился в первые месяцы крымской кампании, когда военные события резко обострили внимание к России. Французские критики и публицисты наперерыв советовали своим читателям ознакомиться с «Записками охотника», как с важным информационным материалом, вскрывающим внутреннее состояние таинственной северной империи, кинувшей «грозовые орды в атаку на старый мир». Ф. Морнан писал в «Illustration»: «Большое удовольствие и пользу получит читатель при ознакомлении с «Записками» русского охотника или барина, повиди-

1

LE BOURGMESTRE.

A cinquante *verstes** environ de ma campagne habite un jeune propriétaire de ma connaissance, Arcadi Pavlitch Pénotchkine. Il y a beaucoup de gibier sur ses terres, sa maison est construite sur

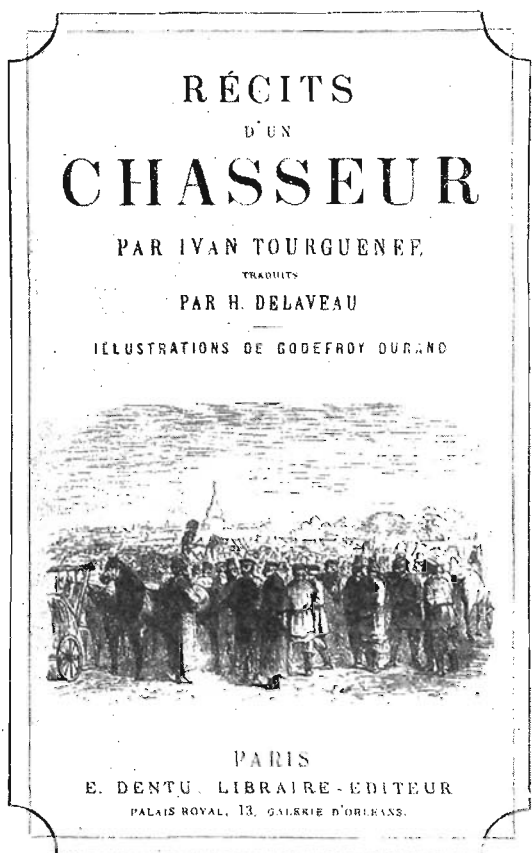
¹ On donne ce nom, en Russie, aux maires des gros villages: ils sont choisis parmi les paysans.

* La *verste* équivaut à un kilomètre.

СТРАНИЦА ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ИЗДАНИЯ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ В ПЕРЕВОДЕ ДЕЛАВО. ПАРИЖ, 1858 г.

Рисунок Годфруа Дюрана к рассказу «Бурмистр»

ОБЛОЖКА ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО
ИЗДАНИЯ „ЗАПИСОК ОХОТНИКА“
НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ В ПЕ-
РЕВОДЕ ДЕЛАВО. ПАРИЖ, 1858 г.

тому, очень искренними и точными. В этих талантливых рассказах, лишенных всякого отпечатка ремесленности и претензий на эффект, можно найти сведения исключительной ценности, особенно в современных условиях, о загадочной жизни русских рабов»¹⁷. Книга Тургенева привлекла внимание широких слоев французских читателей в период обострения интереса к России в годы войны 1854—1855, но в литературных кругах имя ее автора не было забыто и после заключения мира. В письме к А. В. Дружинину от 5 декабря ст. ст. 1856 г. Тургенев отметил: «Я начинаю понемногу знакомиться с разными здешними лицами—отыскал двух-трех хороших людей, одну очень милую и умную женщину—пока довольно—а то время все в клочки разлетится. Познакомиться легко со всеми—к удивлению моему, меня здесь довольно знаю»¹⁸.

Для установления степени популярности Тургенева во Франции в середине пятидесятых годов показательным появлением переводов его вещей в «Revue des Deux Mondes». За несколько месяцев до приезда Тургенева в Париж в этом журнале был напечатан его рассказ «Муму»¹⁹. В позднейшем письме к П. В. Анненкову Тургенев писал по поводу опубликования в том же журнале перевода «Странной истории»: это «честь, которая, если уже дело пошло на хвостовство, досталась, кроме меня, одному Г. Гейне»²⁰.

Мериме был одним из первых критиков, рекомендовавших перевод «Записок охотника» французским читателям. Его большая рецензия «Литература и рабство в России» появилась в первой июльской книжке

«Revue des Deux Mondes» за 1854 г. Статья Мериме, так же как и другие статьи во французской прессе той эпохи, ставила своей задачей показать на анализе художественного материала разложение николаевской России — военного противника Франции; это не мешало, однако, высокой оценке «Записок охотника», как литературного произведения. В первых же строках рецензии Мериме заявлял, что «Записки охотника» — «интересное и поучительное произведение, рассказывающее о многом при своем малом объеме». «Эти двадцать две жанровые картинки, почти одинаково обрамленные, отличаются искусным разнообразием композиции и тона повествования. Они тщательно обработаны, иногда даже с излишней кропотливостью, и дают в целом очень точное понятие о социальном состоянии России». «По манере письма Тургенев представляет некоторое сходство с Гоголем. Как и автор «Мертвых душ», он отличается мастерством в детальных описаниях, он останавливается в них на всех мелочах. Если речь заходит об избе, он пересчитывает в ней все скамьи и не забывает упомянуть ни об одном предмете из домашней утвари. Описывая одежду своих персонажей, он не забывает ни об одной пуговице, его описания так точны и подробны, что, прочтя их, два художника, не сговорившись, могли бы, я полагаю, нарисовать два совершенно одинаковых портрета... У Тургенева есть одно преимущество перед Гоголем. Он избегает всего безобразного, в то время как автор «Мертвых душ» разыскивает это безобразное с любопытством. Во всем, что он пишет, чувствуется любовь к красоте и добру... Ничего этого нет у Гоголя. Всегда суровый и саркастический, он смеется показным смехом, часто более грустным, чем слезы. Оба дают сатирическую картину нравов своего времени. Гоголь, являясь, как мне пришлось слышать, благородным и благочестивым человеком, проявляет себя безжалостным насмешником и, повидимому, отчаялся в окружающем, видя повсюду одних плутов и негодяев. Тургенев также осмеивает, но мягче, он замечает наравне с темными сторонами и светлые даже в самых извращенных фигурах. Он умеет и в смешном находить благородные и трогательные черты». В заключительной части статьи Мериме выражает уверенность, что автор «Записок охотника» продолжит свою литературную деятельность: «Я полагаю, что Тургенев, которого я не имею чести знать лично, молодой писатель и что его «Записки охотника» являются только прелюдией к более серьезному и значительному произведению»²¹.

В среде своих знакомых Мериме пропагандировал «Записки охотника» наравне с произведениями Пушкина. Англичанке M^{rs} Сенион он писал из Вены 26 сентября 1854 г.: «Я очарован тем, что вам понравились рассказы Тургенева. Читали ли вы «Пиковую даму» Пушкина, которую я перевел? Я вам пошлю это бессмертное сочинение, как только буду иметь счастье возвратиться к берегам Сень»²².

Внимательно следя за новинками русской литературы и охотно завязывая отношения с русскими в Париже, Мериме не мог, конечно, не отнестись с большим вниманием к знакомству с Тургеневым, о первом крупном произведении которого он написал в свое время сочувственный отзыв.

III

При скудости документальных данных не удастся точно установить, когда и как часто встречались Тургенев и Мериме. Однако, можно предполагать, что их дружба окрепла в первые же годы знакомства. В конце пятидесятых и начале шестидесятых годов Тургенев почти постоянно

жил в Париже — естественно, что в эти годы он чаще всего мог встречаться и беседовать с Мериме. С весны 1863 г. Тургенев переселился с семьей Виардо в Баден-Баден, лишь наездами посещая Францию, обычно на очень короткий срок. Возможность личных свиданий сокращалась, тем более, что и Мериме часто уезжал из Парижа.

Вскоре после первой встречи с Мериме, в феврале 1857 г., Тургенев уехал на несколько дней в Дижон (с 10 по 15 марта), а затем, вернувшись в Париж, оставался здесь безвыездно до последних чисел мая. В течение этого времени он, вероятно, виделся с Мериме неоднократно. В письме к П. В. Анненкову от 15 апреля 1857 г. Тургенев сообщал об одном из посещений французского писателя и вновь характеризовал его: «Мериме, у которого я обедал, — совершенный Дружинин *en grand*, также холоден и любит всякие непотребности»²³.

Следующая встреча писателей, о которой мы знаем, имела место в Лондоне весной 1858 г. Приехав для свидания с Герценом, Тургенев получил через Монктона Милнса, давнишнего знакомого Мериме, приглашение на банкет Литературного фонда. Можно предполагать, что это приглашение было получено не без содействия самого Мериме, который также присутствовал на торжестве. Банкет состоялся 28 апреля. Впечатлениями от него Мериме поделился в письме к Женни Дакен от 3 мая (1858): «В прошлую среду я попал в довольно забавную переделку. Меня пригласили на обед Литературного фонда, состоявшийся под председательством лорда Пальмерстона. Перед самым уходом из дому меня предупредили, что я должен приготовиться к спичу, так как мое имя будет присоединено к тосту в честь литературы континентальной Европы. Вы можете себе представить, какое удовольствие доставило мне выполнение этой обязанности. Я говорил в течение долгой четверти часа глупости на скверном английском языке собранию трехсот литераторов, или людей, называющих себя литераторами, и более сотни дам, получивших почетное разрешение лицедреть, как мы поедаем жестких кур и черствые языки. Я никогда не был так пьян от глупостей, как говорил г. Пурсоньяк»²⁴.

Запись о выступлении Мериме сохранилась и в статье Тургенева «Обед в обществе английского Литературного фонда»:

«... Добрейший Монктон Милнс провозгласил тост в честь литературы других наций и г. Мериме, известного французского писателя, который тоже находился в числе приглашенных на обед. У Мериме чрезвычайно тонкое и умное, постоянно неизменное лицо; он слышит за эпикурейца и скептика, которого решительно ничто взволновать не может, который ни во что не верит и с вежливой, чуть-чуть презрительной недоверчивостью взирает на всякое изъяснение энтузиазма. Он — сенатор и пользуется расположением французского двора. Однако, этот скептик побледнел, когда пришлось ему отвечать небольшим заученным спичем на любезные слова Милнса (Мериме плохо знает по-английски), и голос его дрожал и прерывался раза два; видно, самолюбие и в нем волноваться может, и даже сенатору не хочется осрамиться перед многочисленным собранием независимых людей»²⁵.

20 мая Тургенев выехал из Лондона в Париж, а оттуда через три недели отправился в Россию. Перед отъездом из Парижа он виделся с Мериме и беседовал с ним на остро волновавшую в ту пору всех русских тему — о предстоящей крестьянской реформе. Запись этой беседы, имевшей тем более непринужденный характер, что Тургенев высказывался перед ино-

странцем, сохранилась в письме Мериме от 8 июня 1858 г. к императрице Евгении: «Я вчера долго беседовал с одним очень умным человеком, г. И. Тургеневым, рассказавшим мне, что в России делается для освобождения крепостных. По его словам, это может повести к тому, что произойдет революция и всех дворян повесят. У него есть любимый лесничий, которого он имеет все основания считать вполне преданным. Тургенев решился спросить, присоединится ли он, в случае возмущения крестьян против помещиков, к восставшим и станет ли он его, Тургенева, убивать. Лесничий сильно побледнел и ответил, наконец, прерывающимся голосом: «Конечно, присоединюсь». Что вы скажете о таком разговоре? По мнению Тургенева, царский рескрипт очень смелый шаг, и благоприятный исход всего дела столь же возможен, как и то, что оно приведет к ужасной катастрофе»²⁶.

На обеде Литературного фонда Мериме познакомил Тургенева с главным директором Британского музея, Антонио Паницци. В письме из Парижа от 27 мая 1859 г. к А. Паницци, с которым Мериме вел деятельную переписку преимущественно на политические темы, он напоминал о представленном на банкете русском романисте и передавал содержание своего разговора с ним по вопросу о позиции России в отношении к освободительному движению в Италии:

«Один русский, г. Тургенев, которого я вам представил в прошлом году на знаменитом банкете, приехал из Москвы. Он говорит, что немцы хотят зараз проглотить и Францию и Россию. Они домогаются от нас Эльзаса, а от русских—Курляндии и Лифляндии. Тургенев говорит, что в России все сочувствуют итальянцам, а армия горит желанием воевать с австрийцами»²⁷.

Рассказ Тургенева, видимо, поразил Мериме—он изложил его и в письме к Женни Дакен от 28 мая 1859 г.: «Г-н Иван Тургенев, только что прибывший в Париж прямо из Москвы, говорит, что вся Россия молится за нас, а армия будет рада воевать с австрияками. Попы проповедуют, что бог накажет их за преследование православных славян. Открываются подписки для отсылки кроатам библий и требников для защиты их от папской ереси. Это походит несколько на политическую пропаганду панславизма»²⁸.

Свидание с Мериме, на котором произошла эта беседа, состоялось, очевидно, в ближайшие же дни по прибытии Тургенева в Париж, однако, точная дата не может быть пока установлена. Первое из известных писем Тургенева из Парижа, извещающее о его приезде в этот город, датировано 17/29 мая²⁹.

В переписке Мериме сохранилось еще несколько более или менее определенных указаний на свидания его с Тургеневым. Одно из них состоялось в Париже 29 октября 1860 г., два других—в середине апреля и 26 октября 1861 г., также в Париже.

В пятницу 26 октября 1860 г. Мериме извещал запиской С. А. Соболевского:

«Мой дорогой друг, не пожелаете ли вы притти ко мне поесть простой баранины вместе с Иваном Тургеневым в ближайший понедельник. Кроме нас троих, никого не будет»³⁰.

Феликс Шамбон приводит в своей книге «Notes sur Prosper Mérimée» записку Мериме к Биксио, датированную «четверг 18» без указания года и месяца:

«Дорогой друг, вы одержали победу не над дамой, но над большим и сильным, блестящим по уму мужчиной—г. Иваном Тургеневым. Он обедает

у меня в понедельник. Если вы послушный малый, то приходите поддерживать компанию, нас будет только трое, и вы можете сбежать, когда вам заблагорассудится.

Я посылая меду вашему медведю, но его уже увезли. Это для вас очень хорошо»³¹.

Не пытаясь точнее датировать записку, Шамбон указывает, однако, на письмо Мериме к А. Паницци от 2 мая 1861 г.³², содержащее рассказ о привезенном Биксио из Пиренеев медведе. Сопоставляя итинерарии Тургенева и Мериме, записку можно вполне точно датировать четвергом 18 апреля 1861 г.³³. За несколько дней до того состоялись, очевидно, знакомство Тургенева с политическим деятелем и ученым Александром Биксио и встреча с Мериме.

Несомненно, что к началу 1861 г. Тургенев и Мериме если и не состояли в постоянной переписке, то уже обменивались отдельными письмами. Обращаясь к С. А. Соболевскому 9 января 1861 г. из Канны, Мериме спрашивал его об адресе русского романиста: «Я забыл адрес г. Тургенева, не улица ли Риволи, 210?»³⁴. В письме к тому же Соболевскому от 27 октября 1861 г. Мериме сообщает: «Вчера я обедал вместе с Тургеневым, который объяснял нам, что представляет собою игра клоунов. Это нас всех очень расшевелило»³⁵.

Обеду 26 октября 1861 г. предшествовало более раннее свидание русского романиста с Мериме в начале месяца (Тургенев приехал в Париж 28 сентября н. ст.). А. К. Виноградов относит к первым числам октября помеченную

SCÈNES

DE LA VIE RUSSE

PAR M. I. TOURGUÉNEFF

DEUXIÈME SÉRIE

TRADUITE AVEC LA COLLABORATION DE L'AUTEUR

PAR LOUIS VIARDO

PUBLICATION DE CH. LAURE ET Ce
Imprimeurs à Paris

PARIS

LIBRAIRIE DE L. HACHETTE ET C^eRUE PIERRE-SARRAZIN, N° 14

1858

«понедельником», не датированную точнее пригласительную записку Мериме к С. А. Соболевскому 1861 г.:

«Дорогой друг, не угодно ли вам будет откушать фазана в среду у меня вместе с Тургеневым. Он (фазан) прибудет обязательно»³⁶.

Осенью 1861 г. Тургенев мог от самого Мериме слышать подробности его вмешательства в дело библиофила Либри. Именно около этого времени Мериме вновь заинтересовался процессом, выступив в сенате по поводу петиции жены Либри и опубликовав в «Moniteur», в номере от 11 июня 1861 г., свою речь «Discours au Sénat sur la pétition de M-me Libri». В уже цитированном письме к С. А. Соболевскому от 27 октября 1861 г. Мериме сообщал некоторые сведения о состоянии процесса. Впрочем, Тургенев не мог не слышать о нашумевшем деле и раньше, а участие в нем Мериме могло привлечь внимание автора «Записок охотника» следующими подробностями. Французский писатель, привлеченный к ответственности за резкие нападки на судебных экспертов, отбывал арест в июле 1852 г., т. е. всего несколькими месяцами позже ареста Тургенева по литературному же делу—опубликованию в «Московских Ведомостях» письма о смерти Гоголя. Тургенев на съезжей изучал польский язык. Мериме, сидя в Консьержери, твердил спряжение русских глаголов³⁷.

IV

Весной 1863 г. Тургенев уехал из Парижа в Баден-Баден, ставший до конца десятилетия местом его постоянного пребывания. Францию и Париж Тургенев посещал ежегодно два-три раза, обычно на очень короткие сроки, а так как и Мериме с каждым годом все чаще и на более продолжительное время уезжал из Парижа на юг Франции, то возможности личных встреч резко сократились. Приглашением Тургенева приехать в июле 1867 г. в Баден Мериме не воспользовался³⁸. В свою очередь, Мериме тщетно ожидал в 1868—1870 гг. поездки Тургенева на юг Франции для свидания с ним. Намекая на неразлучность русского романиста с семьей Виардо, он писал г-же Делессер из Канны 27 февраля 1868 г.: «Я полагаю, что вы видели г. Тургенева, который должен был провести несколько дней в Париже. Я надеялся, что он нанесет мне визит, но, боюсь, ему дали слишком короткий отпуск»³⁹.

Сопоставляя итинерарии обоих писателей, можно установить вполне точно, когда именно могли состояться их свидания. Тургенев заставал Мериме в Париже во время своих приездов из Баден-Бадена в 1863 г. с 25 ноября по 3 декабря, в 1864 г. с середины марта по 21 апреля, в 1866 г. с конца мая по 14 июня и в 1867 г. с 15 по 22 июня. Из текста публикуемого ниже некролога выясняется, что летом 1867 г. Тургенев и Мериме виделись в последний раз. В общей сложности, за последние семь лет жизни Мериме оба писателя пробыли совместно в одном городе не больше двух месяцев. Но если личные свидания были не часты, то отношения поддерживались постоянной перепиской, тем более интенсивной, что в течение шестидесятих годов осуществилось сотрудничество обоих писателей в ряде литературных предприятий. В эти годы Мериме популяризировал произведения Тургенева в кругу французских читателей—редактировал переводы его романов и новелл, снабжал их предисловиями, принимал сам ближайшее участие в переводах, наконец, написал и опубликовал в «Moniteur», в номере от 25 мая 1868 г., специальную статью о творчестве Тургенева.

Из писем Мериме устанавливается, что он с конца пятидесятых годов внимательно следил за появлением не только значительных, но и второстепенных литературных работ Тургенева. Так, он с нетерпением ожидал тургеневского перевода «Украинских народных рассказов» Марко Вовчка и спешил ознакомиться с одобренным Тургеневым вторым французским переводом «Записок охотника», изданным взамен перевода Шарьера и снабженным пометкой: «Единственное издание, авторизованное сочинителем».

В письме к Женни Дакен от 3 сентября 1859 г. Мериме сообщал: «Мне обещают по возвращении из Тарба роман, написанный на малороссийском языке и переведенный на русский Тургеневым. Это, по рассказам, шедевр, превосходящий «Дядю Тома»⁴⁰.

Посылая 12 декабря 1859 г. через Клерка де Ландресса для передачи Дюмону список заказываемых книг, Мериме включил в него «Les Nouvelles de Gogol», «Les Nouvelles de Ivan Tourguéneff» и «Les Mémoires d'un Chasseur, la traduction nouvelle et non celle de M. Charrière»⁴¹. Под двумя последними указаниями разумеются издания: «Scènes de la vie russe. Par M. I. Tourguéneff, 2-e série, traduite avec la collaboration de l'auteur, par Louis Viardot», P., 1858, и «Récits d'un chasseur, par I. Tourguéneff, trad. par H. Delaveau. Illustr. par G. Durand. Seule éd. autorisée par l'auteur», P., 1858.

К «Украинским народным рассказам» Марко Вовчка Мериме вернулся десятилетием позже, предполагая перевести один из входящих в состав книги очерков. 10 июля 1869 г. Мериме писал Тургеневу из Сен-Клу: «Для проведения времени, которое тянется здесь так же медленно, как и всюду, я перевел очень быстро, то есть очень плохо, «Козачку» Вовчка, переведенную вами с украинского. Она ужаснула наших дам, даже из числа сочувствующих героической Польше. Уже давно я не перечитывал этого рассказа, оправдывающего Стеньку Разина и Пугачева»⁴².

Ряду своих корреспондентов Мериме настойчиво рекомендовал произведения Тургенева. Обращая внимание Женни Дакен на предложенный к печатанию в журнале перевод «Отцов и детей», он писал ей 3 января 1863 г.:

«Рекомендую вам в «Revue des Deux Mondes», в книжке от 15 числа, роман Тургенева, корректурные гранки которого я здесь ожидаю и который я прочел по-русски. Он называется «Отцы и дети». В нем противопоставлено старому поколению поколение молодое. В романе есть герой, представитель молодого поколения, являющийся социалистом, материалистом и реалистом и, тем не менее, умным и интересным человеком. Это очень оригинальный характер. Я надеюсь, он вам понравится. Этот роман произвел в России большое впечатление; было много шума, автора обвиняли в нечестии и безнравственности. По моему мнению, если произведение возбуждает неистовство публики, то это свидетельствует об его успехе»⁴³.

Графине Пшездецкой Мериме рекомендовал переводы «Призраков» («очень причудливого рассказа Тургенева, который вас развлечет, быть может») и «Собаки» («который предлагаю прочесть в оригинале»). В письме к г-же Делессер он отзывался о повести «Несчастливая» («нет ничего более ужасного по правдивости»), а в разговоре о русской литературе с Эдуардом Ли Чайльдом останавливался на характеристике «Записок охотника». Называя имя И. Тургенева Альберту Стапферу, Мериме охарактеризовал его, как «одного из величайших романистов»⁴⁴.

Перевод «Дыма», «лучшей вещи, созданной до сих пор Тургеневым», Мериме обязался доставить Женни Дакен и Гобино⁴⁵.

Наконец, Мериме пытался устроить чтение рассказов Тургенева в придворном кругу. Сообщая о пребывании в Биаррице Наполеона III, Мериме писал принцессе Юлии 6 октября 1866 г.:

«Я предложил читать «Вильгельма Мейстера» Гёте, но после первой же главы было объявлено, что это самая скучная вещь в мире. Очень скучными были найдены также рассказы Тургенева, которые я считаю очень изящными»⁴⁶. О состоявшемся годом ранее чтении в придворном кругу «Призраков» Тургенев писал 10 октября 1865 г. А. А. Фету из Баден-Бадена:

«„Призраки“ уже переведены Мериме и даже (между нами!) были читаны им—кому бы вы думали?—императору и императрице французов. Спешу прибавить для успокоения людей, могущих мне позавидовать, что *Revue des Deux Mondes* отказали в помещении тех же самых «Призраков»,—как гили несуразной»⁴⁷.

Сам Мериме об этом чтении «Призраков» в придворном кругу сообщал следующее: «На-днях меня заставили прочесть эту новеллу Тургенева. Я потребовал, чтобы принца отослали в соседнюю гостиную, но, несмотря на мои слова, он остался. Дело не в том, что в ней есть что-либо безнравственное, но я полагаю, что ребенку лучше играть в мяч, чем слушать фантастические рассказы»⁴⁸.

С чтением «Призраков» Мериме выступал неоднократно. Об одном из них упоминает Гизо в письме к г-же Ленорман от 26 ноября 1865 г.: «Я жалею, что не присутствовал на чтении Мериме у г-жи Буань. Он обладает всеми положительными качествами своих убеждений и ни одним из их недостатков»⁴⁹.

В специальной библиографии «русских работ» Мериме, тщательно составленной Ф. Шамбоном, значатся пять переводов из Тургенева: перевод «Призраков», напечатанный в «*Revue des Deux Mondes*» 15 июня 1866 г.⁵⁰, перевод «Жида», «Петушкова» и «Собаки»—в сборнике «*Nouvelles moscovites*»⁵¹, наконец, перевод «Странной истории»—в «*Revue des Deux Mondes*» от 1 марта 1870 г.⁵². Этот список нуждается в некоторых исправлениях и уточнениях.

В ряде случаев Мериме выступал, очевидно, не в качестве переводчика, а в качестве редактора. Первая работа этого рода была им, может быть, произведена над текстом «Отцов и детей». Из цитированного уже письма к Женни Дакен от 3 января 1863 г. выясняется, что перевод романа предполагался первоначально к опубликованию в журнале «*Revue des Deux Mondes*», причем Мериме должен был просматривать корректуру. Но журнальная публикация не состоялась, и роман вышел только в отдельном издании, с предисловием Мериме («*Pères et enfants par Ivan Tourguéneff. Avec une préface de Prosper Mérimée de l'Académie Française*», P., 1863). Предисловие это, написанное в форме письма к издателю Шарпантье, на русском языке еще не появилось. Вот его текст в нашем переводе:

«Сударь. Роман, который вы хотите публиковать, вызвал в России бурю. Успех был обеспечен. Не было недостатка ни в пристрастной критике, ни в клевете, ни в брани печати, нехватало, быть может, только церковного отлучения. В России, как и везде, нельзя безнаказанно высказывать правду тем, кто о ней не спрашивает. В этом небольшом произведении г. Тургенев показал себя, по обыкновению, пронизательным и тонким

РУССКИЙ АВТОГРАФ ПРОСПЕРА МЕРИМЕ

Частное собрание, Москва

Ивану Матвеевичу
Толстому
Парижъ 13 октября
1857 г.
P. Merimee.

наблюдателем; однако, избрав предметом изучения два поколения своих соотечественников, он совершил ошибку, не польстив ни одному из них. Каждое из поколений находит портрет другого очень схожим, но кричит, что его собственный портрет является карикатурой.

Так, «рыси к ближнему, кроты к самим себе», мы признаем похожими только фотографии наших соседей. Отцы протестовали, а дети, еще более обидчивые, громко возопили, увидя свое воплощение в положительном Базарове.

Вы знаете, сударь, что Россия уже давно заимствует у Запада моды и идеи (часто тоже своего рода моды). Франция посылает ей одежду и ленты, Германия снабжает ее идеями. Не так давно в Санкт-Петербурге мыслили по Гегелю, в настоящее время в большой славе Шопенгауэр. Адепты Шопенгауэра проповедуют действие, много говорят и мало делают, но заявляют, что будущее принадлежит им. У них имеются свои социальные теории, ужасающие сторонников старого порядка,—они предлагают, как пустое дело, уничтожить все существующие установления. По существу, я думаю, они не опасны: во-первых, потому что они не злее своих отцов, во-вторых, они в большинстве своем ленивы; наконец, до настоящего времени народ, этот единственный творец длительных революций, ничего не понял в их теориях, а они сами никогда не заботились о воспитании народа.

По моему мнению, беспристрастие Тургенева является одним из достоинств его книги. Он не объявляет себя судьей современного общества, он рисует его таким, каким видел его. Безо всякой предвзятости он отмечает его смешные стороны, его странности, его страсти. Он показывает, что странности меняются, а страсти остаются теми же самыми. Несмотря на усилия всех философов и реформаторов, сердце человеческое не изменилось с того времени, как первый поэт и первый романист возымели счастливую мысль изучить его. Социалист г. Тургенева влюбляется в важную даму, забавляющуюся его дикостью, а его ученик, воспитанный в презрении к браку, женится на провинциалке, которая станет его водить за нос и сделает вполне счастливым.

Перевод, который вы мне показали, представляется мне очень точным; я не могу, конечно, сказать, что он вполне передает живой и колоритный стиль г. Тургенева. Переводить с русского на французский не так легко. Русский язык создан для поэзии, он необычайно богат и, в особенности, замечателен по тонкости выражаемых им оттенков. Вы представляете себе, что может извлечь из подобного языка искусный писатель, отдающийся наблюдению и анализу, и какие непреодолимые трудности готовит он для переводчика. В конце концов, если портреты г. Тургенева теряют для нас кое-что в блестящем колорите, всегда сохраняются их правдивость и непосредственная прелесть, характеризующие все добросовестно с природы написанные произведения»⁵³.

Оценка борьбы, разгоревшейся в русском обществе вокруг «Отцов и детей», показывает, что Мериме был очень далек от подлинного понимания того, что происходило в России.

Нет сомнения, что Мериме не показывал до печати своего предисловия Тургеневу, иначе в нем не могли бы сохраниться ляпсусы в трактовке философии Шопенгауэра, как популярной среди «нигилистов». Вместе с тем в предисловии имеются какие-то отзвуки бесед с русским писателем — и в рассказе о критических бурях вокруг романа, и в упоминании о Шопенгауэре, на выучку к которому пошел в эти годы сам Тургенев.

V

Первым переводом из Тургенева, сделанным самим Мериме, был перевод «Призраков». Еще до опубликования в оригинале этой вещи (в «Эпохе», 1864) за перевод ее на французский язык принялся было сам Тургенев совместно с Л. Виардо⁵⁴, но, повидимому, оставил это намерение: в приведенном выше письме к А. А. Фету от 10 октября 1865 г. Тургенев, сообщая о переводе Мериме, как о законченном, ни словом не упоминает о своей собственной работе. В печати перевод появился только значительно позднее, в «Revue des Deux Mondes» от 15 июня 1866 г. Французский текст был просмотрен и выправлен Тургеневым, как это выясняется из опубликованных отрывков писем к нему Мериме. 1 мая 1866 г. Мериме сообщил Тургеневу, что он «еще не передал «Призраков» в Revue по многим причинам: во-первых, потому, что я не сильнее вас пленен их отношением, во-вторых, и это самое важное, потому, что мне хотелось бы, чтобы вы просмотрели мой перевод. Я не вполне уверен, что избежал ошибок, и не забываю о совершенной мною глупости, когда, несколько лет тому назад, в «Пиковой даме» Пушкина, слово *z a t y a n u l s y a* перевел *i l r e s s e r r a s a s e i n t i g e* [затянул свой кушак]. Таким образом, по вашему приезду, если вы хотите, мы устроим совещание за бутылкой папского вина, если оно еще осталось, и, просмотрев рукопись, вы решите — предать ли ее огню или представить публике»⁵⁵. Повидимому, Мериме, не дожидаясь приезда Тургенева в Париж, переслал ему рукопись перевода в Баден-Баден. 19 мая 1866 г. он писал автору «Призраков», что уже ознакомился с его замечаниями: «Я пересмотрел «Призраки» и восхищен тем, что вы сделали необходимые поправки»⁵⁶. Между тем, публикация перевода задержалась. Мериме выражал недовольство этим обстоятельством в письме к Тургеневу от 6 июня 1866 г.: «Я ничего не слышал о «Revue des Deux Mondes». Если они не напечатают «Призраки» 15-го, я прекращу всякие отношения с этими издателями. Повидимому, г. Бюлоз философ и не верит в привидения. Ему именно только этого и не хватало»⁵⁷.

Около этого же времени, т. е. в мае 1866 г., Мериме предпринял перевод другого рассказа, «Собака», повидимому, в связи с проектом издания французского сборника новелл Тургенева, осуществленного тремя годами позднее, в 1869 г., томиком «Nouvelles moscovites». Сообщая о предстоящем появлении в печати перевода «Призраков», Мериме писал 12 июня 1866 г. гр. Пшездецкой: «Если «Revue des Deux Mondes» доходит до Польши, вы увидите в ней крайне фантастическую новеллу Тургенева, которая, быть может, доставит вам удовольствие. Я перевел еще другую новеллу того же автора, под названием «Собака». Мне хотелось бы вам ее показать, но, увы, в скольких льё вы от Парижа? Я вздрагиваю, думая об этом»⁵⁸.

В письме от 30 июня 1866 г. к той же корреспондентке Мериме подтверждал это сообщение: «Я дал Тургеневу мой перевод «Призраков», и он поместил его в последней книжке «Revue des Deux Mondes». Я перевел еще его коротенький рассказ «Собака», который советую вам прочесть в оригинале»⁵⁹.

Несмотря на категорический тон этих сообщений, в июне 1866 г. перевод «Собаки» был набросан только вчерне, а отделка была отсрочена до осенних месяцев. 6 июня Мериме обещал Тургеневу закончить перевод, как только найдет время «прочесть его г-же Делессер и, может быть, другим более высокопоставленным особам, вашим давним почитателям»⁶⁰. Чтение состоялось, очевидно, лишь в ноябре 1866 г., по возвращении Мериме в Париж из Биаррица, как это явствует из недатированной записки Мериме к г-же Делессер:

Сударыня,

«Собака» г. Тургенева и я, мы были бы весьма счастливы явиться по вашему любезному приглашению. Чтение займет всего четверть часа, следовательно, вы не должны очень бояться.

Пр. М.⁶¹

Вторник, вечер.

Надо полагать, что именно перевод «Собаки» и, вероятно, «Жида» был прочтен Мериме и в придворном кругу в сентябре 1866 г.

История подготовки сборника «Nouvelles moscovites» не вполне ясна. На титульном листе книги указано, что «Жид», «Петушков», «Собака» и «Призраки» даны в переводе Мериме, а «Ася», «Бригадир» и «История лейтенанта Ергунова» — в переводе автора. Как устанавливается из вновь опубликованных А. Монго документов, это сообщение не соответствует действительности. Мериме перевел для этого сборника только две вещи — «Собаку» и «Призраков», а сам Тургенев не перевел ни одной. Вместе с тем, выясняется, что Мериме фактически редактировал всю книгу.

22 августа 1866 г. Тургенев писал В. П. Боткину: «Вместе с твоим письмом пришло письмо от Мериме, из которого оказывается, что он не получил пакета, который я просил тебя передать ему. Это тем неприятнее, что в нем заключались экземпляры моих вещей, переведенных на французский язык, которых я больше не имею. Ты, вероятно, забыл этот пакет в кармане твоего дорожного пальто, куда мы его с таким усилием втискали. Сделай одолжение, если ты его отыщешь, отошли его немедленно по следующему адресу: M-r Prosper Mérimée, Rue de Lille, 52, Paris»⁶².

В ответном письме от 25 августа В. П. Боткин подробно отчитывался:

«На другой же день после моего приезда в Париж из Бадена (я приехал вечером) я отнес с а м письмо к Мериме. Portier сказал мне, что г. Мериме нет в Париже, и слуга его вышел: поэтому мне ничего другого не оставалось, как оставить пакет у portier для передачи служителю г. Мериме, что я и сделал. Если же Мериме не получил еще пакета, то не моя в том вина. Да и мог ли я пренебречь этим, зная твои литературные сношения с Мериме! Тут виною или забывчивость его portier, или служителя: пусть он наведет справки—и дело объяснится»⁶³.

Оба письма оставались до сих пор без комментария, ключ к нему, однако, имеется в первом из четырех (по хронологии) целиком опубликованных писем Мериме к Тургеневу. Этим документом устанавливается ближайшее участие Мериме в подготовке сборника «Nouvelles moscovites», здесь же содержится самое раннее изложение замысла новеллы «Синяя комната» и сообщаются подробности об изучении «Истории царствования Петра Великого» Н. Устрялова. Рефераты этой работы Мериме напечатал в «Journal des savants» (1867). Приводим письмо Мериме к Тургеневу полностью:

Биарриц, 25 сентября 1866 г.

Милостивый государь,

Корректуры отыскиались, и я получил их здесь. Они были посланы, по глупости портье, моему двоюродному брату, который живет сейчас в деревне. Я, без сомнения, буду в Париже в первых числах ближайшего месяца и передам корректуры Этцелю вместе с «Собакой», но вам следовало бы просмотреть рукопись, за которую я никак не могу отвечать: в ней есть некоторое количество слов, внушающих мне беспокойство. Я опасаясь несколько, как бы «Жид» не испугал маменек и нео-католиков, так как намерения этого Ильича по отношению к молодой девушке не слишком чисты. Я осуждаю не ваш рассказ, а ханжеское благонравие нашего времени. Тем не менее, я заставил недавно выслушать наших дам маленькую легкомысленную историю, написанную мною здесь. Речь идет о двух любовниках, занявших для свидания номер в гостинице как раз, когда в соседней комнате происходят необычайные вещи. Я задумал мой сюжет, как очень трагичный, и написал в соответствующем стиле вступление, чтобы лучше поразить читателя. Но так как эта вещь растянулась и наскучила мне, я закончил ее шуткой—это нехорошо. Я расскажу ее вам в Париже, думаю, что ее можно использовать.

Хляби небесные разверзлись. Море так же ужасно, как небо. Дует ветер, способный сорвать рога у быков. Поэтому мои дни в полном одиночестве с Устряловым кажутся немного долгими. Он крайне скучен, но кажется мне добросовестным и точным. Я воображал, что царевна Софья только неряха, но она настоящая сестра своего брата и талантлива. Огорчает меня, что она была безобразной. Если эта история будет закончена, она явится прекрасной тушей, от которой можно будет отрезать куски и кусочки под разными соусами и с лучшими приправами.

Мы упражняемся с ружьем системы Шаспо. Это прекрасное оружие. Я достигаю восьми выстрелов в минуту, солдаты делают двенадцать. Оно бьет на тысячу метров и очень удобно. Мы ждем эскадры броненосцев, которая доставит нам пушки в 150 кило. Я думаю, что через некоторое время совсем откажутся от войны или изобретут машины, которые будут биться друг с другом, в то время как их строители будут оставаться в безо-

пасном месте. Кавалерия исчезает из этого мира, который становится с каждым днем скучнее.

До свидания, сударь, я не теряю надежды пожать вам руку еще в этом году. Я обрадовался, узнав, что вы работаете.

П. Мериме⁶⁴

К письму приложен опущенный А. Монго при публикации отдельный листок с поправками к переводу «Жида». В приписке Мериме обвинял переводчика в том, что он «удлиняет фразы», и в заключение давал Турге-

M. Mérimé!
Совм. 18.59 60.

DISDÈRI
PHOTOGRAPISTE A PARIS, LA RUE DE LA HARPE
N° 22, en face de l'Hotel de France
F. & G. 31

оф. кн. А.А. Козловской

ПРОСПЕР МЕРИМЕ

Фотографии 1850-х гг., с пометой владелицы фотографии на обороте: „г. Мериме. Знакомый 1859-60 гг.“

Институт литературы Академии наук СССР, Ленинград

неву совет: «Почему вы не посоветуетесь с какой-нибудь дамой по вопросу о нравственности этой новеллы? Желаете, я напишу г-же Делессер, чтобы она ее у вас попросила? Я уверен, что вы поступите благоразумно, последовав ее совету»⁶⁵.

Исполняя свое обещание, Мериме писал в ноябре 1866 г. г-же Делессер: «Г-н Тургенев показал мне небольшой, написанный в его манере рассказ, который я нашел красивым, но по вопросу о нравственности которого я не знал что сказать, так как никогда не обладал чуткостью в этой области. Рассказ не шокирует, но и не походит на оды г. Лапрада. Если в вас достаточно милосердия, чтобы оказать услугу иностранцу, вы совершите доброе дело, попросив его при свидании показать вам эту вещь. Рассказ называется «Жид», но в нем нет речи ни о Ротшильде, ни о Перейре. Вы ему скажете, что я говорил вам об этой вещи, и тогда вы можете, разу-

меется, если это займет вас, попросить его одолжить рукопись перевода. Чтение потребует двадцати минут, это не скучно, но, может быть, неудобно вам в настоящее время. Г-н Тургенев вернулся в восхищении от вашего приема... Я не должен забыть сообщить вам, что все русские красавицы прочли «Жида», но они не католички»⁶⁶.

Содержание приведенных писем не оставляет сомнений, что к французскому переводу рассказа «Жид» Мериме имел отношение только, как редактор.

Опубликованными отрывками из писем французского писателя к Тургеневу устанавливается, что, вопреки указанию на титульном листе сборника «Nouvelles moscovites», повесть «Ася» была в нем дана не в авторском переводе, вместе с тем выясняется, что редактором французского текста «Ася» был Мериме. 6 июня 1866 г. он писал Тургеневу: «Я просмотрел «Асю» вместе с г. Погонкиным. Перевод показался мне хорошим. Я сделал несколько небольших замечаний, очень и, может быть, даже слишком мелочных. Думаю, что можно было бы перевести лучше, но для этого пришлось бы слишком часто отступать от текста, и, как мне кажется, не плохо, что в рассказе сохранился русский отпечаток. При чтении корректуры я попрошу у вас разрешения убрать некоторые прилагательные и наречия, которыми в нашем языке пользуются скупее,—но я буду скромен. Г-н Погонкин мне понравился. Я был удивлен, что он так хорошо знает французский язык»⁶⁷.

В переписке Мериме сохранились два интересных отзыва о рассказе «Бригадир», включенном в сборник «Nouvelles moscovites». Впрочем, с этим рассказом Мериме ознакомился не в переводе, а в оригинале, получив от Тургенева отиск из январской книжки «Вестника Европы» 1868 г., в которой «Бригадир» был впервые опубликован. 22 июня 1868 г. Мериме писал г-же Делессер, сравнивая рассказ Тургенева с поэмой «Меджнун и Леила» персидского поэта Джами:

«Тургенев в России. Он прислал мне очень коротенький рассказ, слишком коротенький, против его обыкновения, под заглавием «Бригадир». Речь идет о несчастном добродушном старике, бывшем в свое время одним из самых блестящих полковников Суворова. Он отдал всю свою жизнь и состояние красивой женщине, по имени Агриппине, уже умершей. Семья покойной окончательно довершила его разорение, он живет в крестьянской избушке, в состоянии, близком к слабоумию, сохранив только портрет Агриппины и грамоту на Георгиевский крест. В конце рассказа приведено письмо, в котором он обращается за помощью к племяннице Агриппины—оно ужасно по своей правде. Это так же печально, как поэма о Меджнуне и Леиле, которую мне никогда не хотелось перечить. Разве можно давать читателям такие жалкие картины человеческой анатомии? В Бадене Тургенева посетила великая княгиня и была с ним, как кажется, не слишком любезна—она бережет свою любезность для нас, иностранцев»⁶⁸.

Тургеневу Мериме писал двумя днями ранее, 20 июня 1868 г.:

«Я прочел «Бригадира» и отослал его князю Голицыну. Рассказ меня очень заинтересовал, но он слишком короток. Я жалею, что вы не вывели на сцену, хотя бы на мгновение, кое-кого из персонажей, оставленных за кулисами. Мне хотелось бы, например, лучше знать племянницу Агриппины, которой адресовано письмо. Мне хотелось бы также знать, как любил в молодости человек, сохранивший такое сильное чувство. Письмо,

являющееся, как вы говорите, подлинным, чрезвычайно грустно. Я знаю людей, с которыми приключались подобные случаи и которые умирали, как бригадир Гуськов. Что это нарочно вы произвели его фамилию от слова гусь? Во Франции много людей носят имя Луазон, но это кажется насмешкой над влюбленными. Они не так многочисленны, и не следует отпугивать тех, кто хотел бы им подражать... В вашем рассказе встречаются слова, которые я не нахожу ни в одном из моих словарей. К некоторым из них вы даете пояснения; что это — просто народные выражения, или диалектизмы? Я думал, что в русском языке нет диалектов — за исключением украинского»⁶⁹.

Подготовка к печати сборника «Nouvelles moscovites» затянулась — он вышел из печати только весной 1869 г. Степень участия Мериме в переводе отдельных новелл и редактировании их остается не вполне ясной. Гораздо полнее можно проследить редакторскую работу Мериме над французским переводом романа «Дым».

VI

С текстом романа «Дым», опубликованным впервые в мартовской книжке «Русского Вестника» за 1867 г., Мериме познакомился в оригинале, по журнальному оттиску, присланному автором. В письме от 18 мая [1867 г.] он извещал Тургенева о получении романа и делился своими первыми впечатлениями: «Не знаю, было ли у вас намерение рисовать портреты, но мне кажется, что я знал г-жу Суханчикову...». «...В романе встречаются новые для меня слова, отсутствующие в словарях, — это доказывает, что у вас, как и у нас, есть разговорный язык, отличный от письменного...». Наконец, Мериме отмечал в этом же письме своеобразие шрифта «Русского Вестника»: «Какой гадкий шрифт у вашего журнала. Я не мог привыкнуть ни к «п», ни к «ю», ни к другим буквам. Это смешение прописных букв со строчными досаждало мне»⁷⁰. Подробный отзыв о романе Мериме дал в письме к Тургеневу, отправленном неделей позже.

Париж, 25 мая 1867 г.

Милостивый государь,

Я получил сегодня утром ваше письмо как раз, когда я собирался вам писать: это намерение было у меня уже в течение трех дней, но всякого рода хлопоты мне мешали. «Дым» будет, конечно, считаться одним из лучших ваших произведений. Все ваши характеры прекрасно обрисованы и кажутся мне списанными с натуры портретами. Это объясняет мне ярость ваших соотечественников. Я не сомневаюсь, что Ирина вполне русская, но я могу вам показать ее в Париже. Я знал также Потугина, это превосходный мужчина, его судьба — терпеть мучения от женщин, он умрет, благословляя их. Положение Литвинова между невестой и Ириной, вынужденного к похищению не столько любовью, сколько честью, очень мучительно; схвачено оно верно. Не найдется человека, к которому не пришли бы воспоминания, все еще заставляющие холодеть. Поощажу вашу скромность и перейду к критическим замечаниям. Гораций, без сомнения, прав в похвале Гомеру, сразу вводящему читателя *in medias res*; но мне кажется, что вы вводите ваших читателей сразу *in medias gentes*, а это совсем другое дело. На мой вкус, вашему храму нехватает достаточно богатого фасада. Вы мне ответите, что французы — скоморохи и им всегда нужен турецкий барабан, чтобы начать

свои фокусы. Быть может, во мне есть кое-что от этого национального предрасположения, но я не могу не находить ваше вступление слишком скромным. Допускаю, что то, что мне кажется недостатком, не покажется недостатком вашим русским читателям, которые, впрочем, найдут в сцене вечера у Губарева занимательность, которая ускользает в известной доле от иностранца. Покажите французу подлинный портрет Минина, о котором он никогда не слыхал; это будет для него портрет неизвестного, который его мало трогает. Наоборот, русским этот портрет будет очень цениться. Я не требую от вас устранения вечера у Губарева, я хотел бы, чтобы эта сцена была на проторенном пути, а не в самом начале его. Вы не поймете, может быть, этого изменения,—я объяснюсь, не подумайте только, что я вам предлагаю исправление. Предположите, что, прежде чем идти к Губареву, Литвинов нашел букет гелиотропов—любопытство разом же возбуждено: читатель вступает, как я говорю, на проторенный путь и сочувствует вашему герою. То же самое случилось бы, если бы вы начали с его московской любви к Ирине—рассказ о ней появляется только, как объяснение эпизода с букетом гелиотропов. Я убежден, что это небольшое изменение в порядке ваших страничек имело бы выгодные последствия, в особенности для ваших читателей по эту сторону Рейна. Заметьте, что в роман, как в лабиринт, хорошо войти с нитью в руке, а вы начинаете с того, что даете мне целый клубок, в достаточной мере запутанный. Когда я читал вас с тем пламенным любопытством узнать о развязке, которое возбуждается интересной фабулой, мне показалось, что рассказ о девочке, доверенной Потугину, слишком укорочен; затем, поразмыслив по прочтении всего романа, я убедился, что вы не сделали ошибки. Если на вас станут нападать по этому поводу, я найду, полагаю, достаточно хорошие доводы для защиты. Надеюсь, вы не думаете, что я пришел в негодование по поводу сцены, в которой Ирина роняет гребенку и топчет кружева, но что скажут петербургские красавицы, в особенности те из них, которые носят фальшивые шиньоны и любят кружева? В конце концов я не беспокоюсь о вас—у вас есть и клюв, и когти, и вы не дадите себя съесть. Я вас ожидаю 10 июня. У меня, кажется, осталась бутылка или две папского вина, мы выпьем ее за ваше здоровье. Тысяча приветов.

П. Мериме⁷¹

Аналогичный в общей оценке отзыв о «Дыме» Мериме дал и в письме к Женни Дакен от 10 февраля 1868 г., уже по выходе французского перевода романа: «Я вам говорил, что у меня имеется экземпляр «Дыма», переплетенный, по вашему желанию, книгой. Если хотите, я могу вам его послать. Но, помнится, вы взяли у меня номера «Correspondant», заключающие перевод. Это одно из лучших произведений, написанных до сих пор Тургеневым»⁷².

Назначенное на 10 июня свидание состоялось несколькими днями позднее (Тургенев приехал в Париж только 15 июня н. ст.)—это было последнее свидание писателей; на нем Мериме высказал, между прочим, намерение перевести «Дым». Если это намерение и не было осуществлено, то оно послужило поводом для Тургенева предложить Мериме взять на себя редактирование французского текста романа.

В конце июня к Тургеневу обратился князь Августин Голицын, прося разрешения опубликовать свой перевод «Дыма» в парижской газете «Сог-

respondant» (в 1861 г. в этом издании печатался перевод «Накануне»). Отвечая Голицыну, Тургенев писал 1 июля 1867 г.:

«Просьба, с которой вам угодно было ко мне обратиться, кажется мне очень лестной, и я восхищен возможностью печататься в вашем уважаемом издании. Однако, я попрошу у вас отсрочки на два или на три дня для окончательного ответа. У моего друга П. Мериме была одно время мысль перевести мой роман, он говорил мне об этом. Я полагаю, что он оставил свой проект, но мне не хотелось бы давать согласия до точного выяснения его намерений. Я уже написал ему сегодня и сообщу вам его ответ немедленно по получении»⁷³.

5 июля Тургенев сообщал А. Голицыну ответ Мериме и соглашался на опубликование перевода «Дыма» в «Correspondant»:

«Я получил письмо г. П. Мериме. Его занятия не позволяют ему перевести мой роман, но он предложил мне просматривать корректуру. Вы, конечно, понимаете, сударь, что подобную удачу нужно использовать, и, если вы настаиваете на вашем предложении, я попрошу вас пересылать г. Мериме исправленные мною здесь в Бадене корректуры, прежде чем сдавать их в печать. Нужно ли говорить, что я заранее соглашаюсь на все его исправления. Г-н Мериме остается в Париже в течение всего июля, его обязательность мне достаточно известна, и я могу вас заверить, что публикация перевода не испытает никаких задержек. Его адрес: Rue de Lille, 52»⁷⁴.

Мериме, со своей стороны, отвечая на запрос А. Голицына, осведомлял переводчика о согласии взять на себя редактирование французского текста «Дыма»: «Я поздравляю Тургенева с тем, что он приобрел вас в качестве переводчика, а сам радуюсь возможности вступить в сношения с вами по этому случаю. До сих пор переводчиками Тургенева были люди, очень посредственно владевшие русским языком и еще хуже французским. Но в настоящем случае моя роль сведется к роли пятого колеса в колеснице»⁷⁵.

Вопреки надеждам Мериме, уже на первых шагах работы над переводом обнаружились разногласия между автором и редактором, с одной стороны, и переводчиком, с другой. В письме от 10 июля, категорически отвергая предложенное А. Голицыным французское заглавие романа «La société russe contemporaine», Тургенев перечислял переводчику другие возможные заглавия: «L'Incertitude», «Entre le Passé et l'Avenir», «Sans Rivage», «Dans le Brouillard» и поручил своему корреспонденту договориться по этому вопросу с Мериме⁷⁶. Редактор, со своей стороны, настаивал на сохранении заглавия подлинника и в цитированном уже письме к А. Голицыну заявлял: «Я не нахожу, чтобы «Fumée» было плохим заглавием. Конечно, оно не говорит читателю о содержании романа, но мне приходилось слышать от одного издателя, весьма осведомленного в этих вопросах, что заглавие книги тем лучше, чем оно менее понятно. Мне кажется, что слово «Дым» не дает русским более отчетливого представления, чем слово «Fumée»⁷⁷.

Из дальнейшей переписки выясняется, что корректуры перевода, по мере набора, доставлялись в Баден, а затем пересылались, после авторской правки, на окончательную редакцию Мериме. Этот порядок иногда нарушался, но Тургенев настоятельно требовал его соблюдения. Так, в письме к А. Голицыну от 14 августа 1867 г. Тургенев просил своего корреспондента: «Будьте так любезны, посылайте г. Мериме корректуры

только после моих исправлений, это избавит его от двойной заботы»⁷⁸. В письме от 11 сентября 1867 г. Тургенев выражал неудовольствие по поводу нарушения принятого порядка: «Я сожалею, сударь, что вы не дождались исправленной мною корректуры, чтобы передать ее г. Мериме: это создает ему двойную заботу и двойной труд. Число мест, которые я должен был исправить, очень велико, а по письмам г. Мериме я вижу, что он часто бьется с трудностями, создаваемыми неточностью перевода. Я полагаю, что было бы несравненно лучше доставлять ему уже исправленный текст»⁷⁹.

Как известно, текст «Дыма» подвергся в «Русском Вестнике» жестокой правке со стороны М. Н. Каткова. Во французском переводе Тургенев восстанавливал купюры журнальной редакции. Он предупреждал своего переводчика: «Я позволил себе восстановить несколько фраз, которые издатель «Русского Вестника» счел нужным выбросить, чтобы не вызвать слишком бурных протестов. Шум все-таки поднялся, и более резкие протесты уже невозможны». «Спешу вас предупредить, что я восстановил в тексте биографию генерала Ратмирова, которую мой издатель счел нужным сократить и смягчить в подлиннике». «Я позволил себе несколько небольших вставок, например, во втором отрывке. Надеюсь, сударь, что мои исправления будут приняты»⁸⁰.

В том же направлении шла и работа Мериме, встречая сопротивление со стороны клерикальной редакции «Correspondant».

Первые гранки французского текста «Дыма» А. Голицын принес Мериме уже 20 июля, и в тот же день французский писатель осведомлял Тургенева о своем свидании и переговорах с переводчиком: «Я принял сегодня в кровати (потому что меня опять схватила моя болезнь) князя Голицына. Он принес мне корректуру, и я только что пробежал перевод. Он очень свободен, чересчур сокращен даже для меня, несмотря на то, что мне приходилось часто упрекать вас в злоупотреблении эпитетами и в излишнем обилии мыслей и образов, нагроможденных в одной фразе... Впрочем, князь показался мне очень любезным и склонным соглашаться со всеми замечаниями. Я напишу ему и предложу повидаться, чтобы просмотреть перевод с оригиналом в руках...». «Мы говорили относительно заглавия. Он переводит «Дым»—«L a s o c i é t é r u s s e c o n t e m p o r a i n e». Я пытался ему доказать, что не следовало бы налеплять этикетки и можно было бы предоставить читателям удовольствие узнать самостоятельно, что вы изображаете современные нравы». В этом же письме Мериме высказывал опасения в чрезмерной щепетильности переводчика: «Меня особенно пугает то, что он кажется чересчур добродетельным. Его сомнения вызывают некоторые страницы, дающие повод к смелым заключениям по поводу отношений Ирины и Литвинова. Разумеется, я возражал против такой щепетильности и хочу, не теряя времени, предупредить вас по секрету. Смотрите, не дайте себя слишком оскопить»⁸¹.

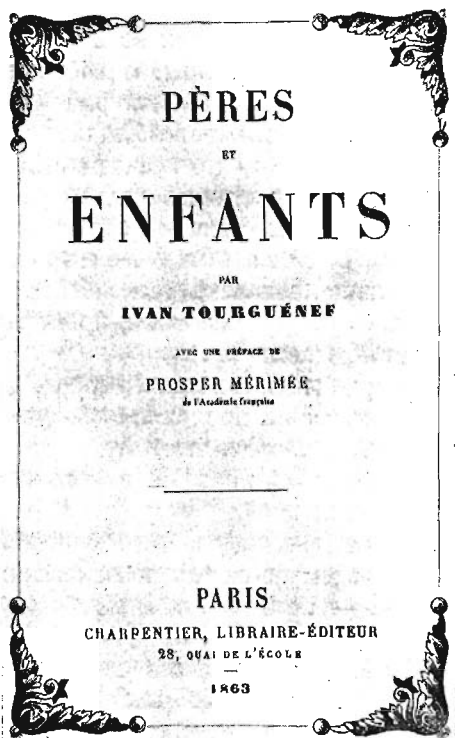
Императрице Евгении Мериме писал 23 сентября 1867 г.: «Я провожу здесь время, исправляя корректуры одного романа моего друга, Тургенева, переведенного неким князем Голицыным для «Correspondant». Вы знаете, что это ультра-католическая газета. Князь Голицын выбрасывает двусмысленные фразы, а я их восстанавливаю. Не знаю, за кем из нас двоих останется победа, но я надеюсь привести в негодование вдов, читающих «Correspondant». Дело идет о совершенно беспримерном случае: одна скучающая знатная русская барыня заводит для препровождения времени любовника»⁸².

Опасения редактора оправдались в ближайшее же время. В недатированном письме к г-же Делессер, относящемся к августу 1867 г., Мериме сообщал о неприятностях, доставленных Тургеневу публикацией «Дыма» во французском издании: «Тургенев в отчаянии. Он заказал перевод своего последнего романа князю Голицыну, который не знает русского языка и не лучше того французский. Чтобы окончательно добить Тургенева, перевод печатают в «Correspondant», благочестивой и добродетельной газете, в которой хотят вычеркнуть все, что может затруднить при чтении священников, иначе говоря, три четверти романа»⁸³.

23 сентября 1867 г. Мериме писал Тургеневу о жестокой расправе переводчика с текстом «Дыма»: «Я просмотрел последние корректуры. Подозрительность князя и его газеты меня развеселила. В сцене появления Ирины у Литвинова (гл. 17, стр. 104) есть фраза: «...Она подняла голову и упала к нему на грудь». Князь счел необходимым ее зачеркнуть. Я ее восстановил. Тем хуже для его святейшества папы. Но вот еще более ужасная фраза: «Два часа спустя он сидел у себя на диване». Князь переводит «Ч а с спустя он был один в своей к о м н а т е»; вы чувствуете, как безнравственны были эти «д в а ч а с а» и это «н а д и в а н е». В этом случае я также предпочел дословный перевод»⁸⁴.

Об этом анекдотическом эпизоде Мериме рассказывал ряду своих корреспондентов. Женни Дакен он писал 27 сентября 1867 г.:

«Есть на свете некий князь Августин Голицын, обратившийся в католичество и слабо владеющий русским языком. Он перевел роман Тургенева «Дым», печатающийся в «Correspondant», клерикальной газете, одним из пайщиков которой состоит князь. Тургенев поручил мне просмотр корректуры. Однако, в романе имеются довольно живые сцены, приво-

ОБЛОЖКА ИЗДАНИЯ РОМАНА
„ОТЦЫ И ДЕТИ“ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ,
С ПРЕДИСЛОВИЕМ ПРОСПЕРА МЕРИМЕ.
ПАРИЖ, 1863 г.

дящие в отчаяние князя Голицына. Так, например, неслыханная вещь: одна русская княгиня предается любви при отягчающих обстоятельствах — адюльтере. Он пропускает абзацы, доставляющие ему мучение, а я восстанавливаю их по тексту. Иногда он очень щекотлив, как вы это сейчас увидите. Барыня позволяет себе приходиться для свидания с любовником в гостиницу в Бадене. Она входит в его комнату, и глава кончается. Повествование возобновляется в русском оригинале следующим образом: «Два часа спустя он сидел у себя на диване». Новообращенный католик перевел: «Ч а с спустя Литвинов был у себя в к о м н а т е». Вы, конечно, видите, что это гораздо нравственнее. Сократить один час времени — значит наполовину уменьшить прегрешение. Наконец, «комната» вместо «дивана» гораздо добродетельнее: диван приспособлен для преступных деяний. Я же, неумолимый в исполнении приказа, восстанавливаю «два часа» и «диван», но глава, заключающая эту сцену, не появилась еще в «Correspondant» за текущий месяц. Я предполагаю, что почтенные люди, редактирующие газету, наложили с в о ю ц е н з у р у. Это меня в достаточной мере забавляет. Если роман продолжится, в нем встретится прекрасная сцена, в которой героиня рвет английское кружево, это гораздо существеннее, чем диван. Я ожидаю этой сцены»⁸⁵.

Опасения Мериме оказались справедливыми. В письме к Женни Дакен от 28 октября 1867 г. он сообщал: «„Correspondant“ выходит и продолжает печатание романа Тургенева, не допуская, однако, чтобы свидание Литвинова с Ириной длилось больше часа»⁸⁶. Любопытно, что корректура главы 17-й, заключающей смутившую переводчика сцену, не была доставлена Тургеневу⁸⁷.

В недатированном письме к г-же Делессер конца сентября или начала октября 1867 г. Мериме повторил рассказ об анекдотической щепетильности переводчика «Дыма». «Несчастный Тургенев полонен иезуитами. Князь А. Голицын производит во имя нравственности забавные изменения. Исправляя корректуры, я восстановил чистоту текста, а важные особы приостановили публикацию романа. Я боюсь, как бы они ее не прекратили. Но послушайте, что возбуждает их подозрительность. Литвинов принимает в своей комнате неожиданный визит Ирины. Глава кончается на ее приходе. В следующей главе, в русском тексте стоит: «Два часа спустя Литвинов сидел один на своем диване». Князь Голицын перевел: «Час спустя Литвинов был у себя в комнате». Не находите ли вы, что в этом изменении проявлена бесконечная деликатность? Я сожалею, что вы не будете иметь удовольствие прочесть прелестную сцену, в которой Ирина топчет кружева»⁸⁸.

История опубликования первого французского перевода «Дыма» показывает, что Мериме проявлял большую заботливость в своих редакторских обязанностях. Можно поэтому думать, что его редакторство не носило формального характера и в остальных случаях совместной работы с Тургеневым.

В томе 34-м журнала «Revue Moderne», в книжке от 1 июля 1865 г., Тургенев опубликовал прозаический французский перевод «Мцыри» Лермонтова — «Le Novice». В заключительных строках вступительной заметки Тургенев писал:

«Г-н Мериме любезно взял на себя труд пересмотреть наш перевод; это имя делает излишним какие-либо рекомендации, и нам остается только выразить ему нашу благодарность»⁸⁹.

В сохранившейся переписке обоих писателей отсутствуют, к сожалению, какие-либо указания на обстоятельства, при которых осуществлялся перевод «Мцыри».

VII

Редактирование французского перевода «Дыма» навело Мериме на мысль написать специальную статью о Тургеневе.

Об этом своем замысле Мериме осведомлял Тургенева 13 февраля 1868 г. (в первой половине письма содержался ответ на замечания русского романиста по поводу статьи Мериме о Пушкине): «Так как моя безделица не показалась вам скучной, я хочу сделать вам сюрприз, но для этого мне нужно возвратиться в Париж, а погода еще очень холодна и я чувствую себя слишком больным. Дело идет о статье, посвященной вашим произведениям в связи с выходом «Дыма», но, с одной стороны, мне нужно многое пересмотреть, а с другой—я хочу попросить разрешения критиковать вас с тою же свободой, которой я располагал по отношению к Пушкину. Словом, возражаете ли вы, что я вас стану публично упрекать в том, в чем я вас часто упрекал с глазу на глаз? Вы знаете, что я неоднократно порицал вас за обилие в ваших произведениях незначительных подробностей—в этом заключаются мои критические замечания. Прибавлю, что, по моему мнению, вы вступаете на путь спасения, потому что вы значительно исправились в «Дыме», в котором я не хотел бы сократить ни одной строки. Если бы вы пожелали, чтобы я при этом случае сказал кое-что людям, которые хотят вас в Петербурге съесть,—я к вашим услугам»⁹⁰. Польщенный вниманием Мериме, Тургенев сообщал о его намерении написать статью П. В. Анненкову в письме от 1 марта 1868 г., в котором перечислял показатели роста своей популярности во Франции:

«В книжке *Revue des Deux Mondes* от 15-го марта появится перевод «История лейтенанта [Ергунова]». Весьма хороший перевод «Дыма» на днях будет издан книгопродавцем Этцелем, и Мериме хочет написать статью обо мне в *Moniteur*»⁹¹. Сам Мериме говорит впервые о статье в письме к Женни Дакен от 20 апреля 1868 г. из Монпелье, также в непосредственной связи с «Дымом»: «Я привезу вам перевод «Дыма». Я начал статью о Тургеневе, но не знаю, хватит ли мне силы закончить ее здесь. Нет ничего труднее, как работать за столом в гостинице»⁹².

Статья Мериме «*Ivan Tourguéneff*» была напечатана в газете «*Moniteur*», в номере от 25 мая 1868 г. Момент для ее появления был выбран очень удачно. Роман «Дым» окончательно утвердил популярность Тургенева в Западной Европе, и в авторитетной общей характеристике его творчества чувствовалась настоящая потребность⁹³. Нельзя, однако, сказать, чтобы эта задача была достаточно полно осуществлена в работе Мериме.

Во вступительной части статьи отмечается европейская известность Тургенева и определяется его место в литературе:

«Имя Ивана Тургенева в наши дни очень популярно во Франции; каждое его произведение ожидается с таким же нетерпением и читается с таким же удовольствием в Париже, как и в Санкт-Петербурге. Тургенева называют одним из вождей реалистической школы. Независимо от того, является ли это порицанием или похвалой, я думаю, что Тургенев не принадлежит ни к какой школе, он следует своему собственному вдохновению. Как всякий хороший романист, он остановился на изучении человеческого сердца—источнике неистощимом, хотя и давно черпаемом».

Далее Мериме переходит к характеристике творческой манеры Тургенева. Он отмечает его «острую наблюдательность» и «умение своеобразно сгущать свои наблюдения», хвалит за умелый отбор типичных деталей. Полное одобрение Мериме встречает стремление Тургенева к объективизму:

«Это беспристрастие, эта любовь к истине, ставшая преобладающей чертой в характере Тургенева, никогда его не покидает. Сочиняя роман в настоящее время, беря героями наших современников, трудно не затронуть великих вопросов, волнующих наше общество, трудно, по крайней мере, не высказать своего мнения по поводу революции в наших нравах. Тем не менее, никто не смог бы сказать, сожалеет ли Тургенев об обществе времен Александра I или предпочитает ему общество времен Александра II. Своим романом «Отцы и дети» он навлек на себя гнев и молодежи, и стариков; те и другие считали себя оклеветанными. Он проявил полное беспристрастие, а этого-то партии никогда не прощают».

Переходя к разбору отдельных произведений, Мериме останавливается на «Отцах и детях», «Записках охотника», «Призраках», «Дыме» и упоминает вскользь «две или три драмы, напечатанные Тургеневым и написанные с жизненностью и естественностью, свойственной его романам»⁹⁴.

«Популярность Тургенева во Франции, — указывает Мериме, — началась с «Записок охотника». Его первое произведение, «Записки охотника», являющееся рядом рассказов, или, скорее, маленьких, полных оригинальности эскизов, было для нас как бы откровением русских нравов и сразу дало нам почувствовать размеры таланта этого автора. Я не преувеличу, говоря, что эта книга имела значительное влияние на дело освобождения крестьян».

Противопоставляя Тургенева Бичер-Стоу, Мериме подчеркивает отсутствие схематизма и тенденциозности в «Записках охотника»: «Автор не польстил мужику и показал его нам со всеми его дурными инстинктами и огромными способностями...». «Нужно обладать тургеневским тактом, чтобы говорить о крепостном праве в России, не трубя в революционную трубу и не впадая в преувеличение, результатом которого могло бы быть отращение читателя вместо его убеждения».

Попутно с анализом «Записок охотника» Мериме дает резкий отзыв об «Украинских народных рассказах» Марко Вовчка:

«Эти рассказы мне известны лишь по русским переводам, сделанным г. Тургеневым. Краски так мрачны, что вся картина отталкивает читателя. Боюсь, что она, может быть, и правдива, но предпочитаешь считать ее лживой; к тому же она возбуждает гораздо больше ужаса, нежели жалости... Манера Тургенева совершенно отлична. Его умеренность, беспристрастие, тщательность, с которой он скрывает свои собственные убеждения, подобно судье, резюмирующему прения, придают его рассказам мощь, которой никогда не достигнуть самой красноречивой декламацией. Будучи проникнуты тонкой и грустной поэзией, они оставляют более длительное впечатление, нежели возмущение, поднятое рассказами Вовчка».

«Призраки» служат для Мериме поводом высказаться о пейзажной живописи у Тургенева:

«Известно, что все художники, работавшие над изображением человеческого лица, были также великими пейзажистами, если только хотели стать ими, и никто не станет удивляться, что Тургенев, глубокий иссле-

АВТОГРАФ ПРЕДИСЛОВИЯ
ПРОСПЕРА МЕРИМЕ К ИЗДАНИЮ
РОМАНА „ОТЦЫ И ДЕТИ“ НА ФРАН-
ЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ. ПАРИЖ, 1863 г.

Библиотека Французской академии,
Париж

Paris

1863.

Merrime

*Le roman que vous allez publier a causé des inquiétudes en Russie.
Ni les critiques françaises, ni les adresses, ni les copies de la presse, ni
à l'exception d'un ou deux, et ce n'est pas dans un monde si petit. En
Russie comme ailleurs, on ne dit pas impunément des vérités d'ours qui se
ont un danger pour soi. Dans ce petit ouvrage Mr. J. Turgeneff s'est montré
comme à ses habitudes, observateur fin et subtil, mais en passant sous le
son titre deux générations de ses compatriotes, il a fait le poids de ses flèches
ailleurs. Chaque génération a son point de vue et son point de vue, mais c'est
que le sien est son caractère.*

«L'âme même est possible et digne même au ciel.»

*avec sa reconnaissance que les photographes de nos voisins. Les frères ont été
mais la fin restait à nos voisins, mais elle est plus la haute voie et
après s'être efforcés dans le point de vue.*

дователь человеческого сердца, обладает талантом наблюдать и описывать местности и эффекты природы. Всегда простой и точный, он часто живостью своих впечатлений и искусством рельефа, дающего характерные черты описаний, возвышается до поэзии, не подавая, однако, вида, что ищет ее».

Для перевода на другие языки особенно затруднительными считает Мериме тургеневские описания. Он останавливается на неудовлетворительности французских переводов, вспоминает письмо Тургенева 1854 г. в «Journal de St.-Petersbourg» — протест по поводу ошибок, допущенных Э. Шарьером в переводе «Записок охотника», — и рассказывает анекдотические подробности о переводе «Дыма»: Тургенев остался недоволен французской передачей бранной реплики Биндасова в главе XXVI романа: «Скряга! слизняк! каплюжник!!» и поставил возле нее на полях корректуры значок NB. Вследствие этого в тексте романа в «Correspondant» оказалось напечатанным: «Скряга! слизняк! Nota bene!!».

Подробно говорит Мериме о «Дыме», давая ему высокую оценку, но не останавливаясь на злободневности этого романа — политического памфлета:

«Прелестный роман «Дым» отличается быстрым действием, совершенно согласующимся с правилами Горация. Счастливо подобранные детали служат в нем для развития характеров и подготавливают драматические положения. Для того, чтобы сделать понятной Ирину, необходимо было тщательно изучить ее, выражаясь точнее, не упустить из виду ни одного ее жеста и взгляда... Ее любовник Литвинов знает ее хорошо, и ей не удастся обмануть его. Он измерил пропасть, в которую она собирается его увлечь, и идет к ней, полный угрызений совести и ужаса. Он обворужен ею, и автор описывает это положение с правдивостью, щемящей сердце».

В заключительных строках статьи, отмечая мимоходом памфлетную установку «Дыма», Мериме отводит второстепенное место сатирическим элементам в творчестве Тургенева:

«Он не чувствует того лукавого удовольствия, которое ощущают многие критики, подмечая человеческие слабости и пошлость. Тщательность, с которой эти господа подчеркивают дурные стороны того общества, в котором мы живем, у Тургенева применяется к разысканию добрых явлений всюду, где они могут быть скрыты. Он любит находить возвышающие человека черты даже в самых низменных натурах. Часто он напоминает мне Шекспира. Так же, как английский поэт, он обладает любовью к истине, он умеет создавать поразительно реальные фигуры; но, несмотря на все искусство, с каким автор скрывается за своими вымышленными героями, можно угадать его собственный характер, и это, быть может, является не последней причиной моей симпатии к нему»⁹⁵.

Перечень основных тем, охваченных в статье Мериме о Тургеневе 1868 г., позволяет установить ее связь с предыдущими работами французского писателя. Действительно, в характеристике «Записок охотника» и «Отцов и детей» он обновлял формулировки, данные в свое время в статье 1854 г. «Литература и рабство в России» и в предисловии 1863 г. к французскому изданию «Отцов и детей». Замечания о «Призраках» и «Дыме» явно связаны с переводом и редактурой перевода этих произведений (в анализе романа повторяются наблюдения, отмеченные в письме к Тургеневу по поводу «Дыма»); даже беглая оценка попутно упоминаемых «Украинских народных рассказов» Марко Вовчка появилась не в результате специального обращения к аналогичному по тематике «Запискам охотника» произведению, а закрепляла сложившиеся ранее суждения (сборник рассказов Марко Вовчка попал в поле зрения Мериме еще в 1859 г.). Таким образом, эта статья не основывалась на специально предпринятом изучении и пересмотре всей творческой продукции Тургенева, а подводила скорее итоги предшествовавшему знакомству с нею Мериме.

VIII

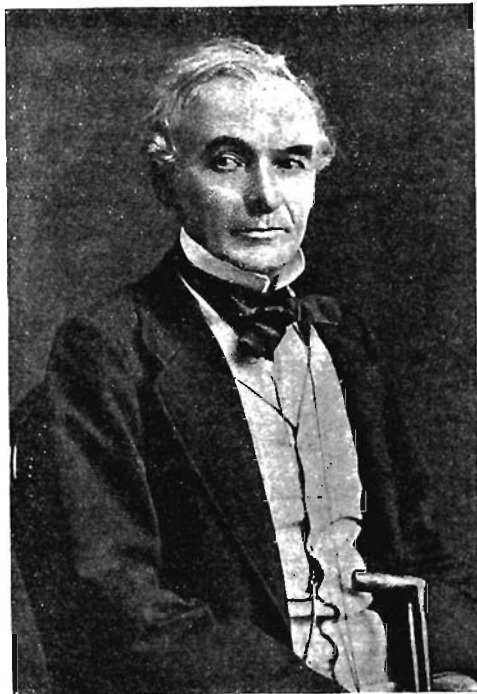
Одно частное замечание, оброненное в статье Мериме, требует особого комментария. Рассказывая о «сильном негодовании», высказанном при появлении «Дыма» «санкт-петербургской аристократией», увидевшей в романе свой сатирический портрет, «тем более преступный, чем большим сходством он отличался», Мериме заключает: «Действительно, каждая светская группа имела здесь свой оригинал». Далее сообщается, что в персонажах Тургенева последовательно узнавали «княгиню А.», «графиню В.», «графиню С.». Располагая инициалы прототипов в порядке алфавита, Мериме маскировал слишком явный намек на «княгиню А.», позволяя, вместе с тем, догадываться, что он был осведомлен в существовании реального прототипа Ирины Павловны Ратмировой. Как известно, Тургенев воспроизвел в этом персонаже портрет и биографию А. С. Альбединской, до замужества княжны Долгорукой, фаворитки Александра II⁹⁶. Замечания о сцене вечера у Губарева, высказанные в приведенном выше письме к Тургеневу с отсылкой о «Дыме», не оставляют сомнений, что Мериме был осведомлен и о реальных прототипах, фигурирующих в романе русских радикалов, при обрисовке которых Тургенев метил в кружок Герцена—Огарева. Приходится, таким образом, констатировать, что Мериме подробно посвящался в творческие замыслы Тургенева, а это свиде-

тельствует уже о большой близости между обоими писателями. Что это было действительно так, видно из следующего письма Мериме к Тургеневу, одинаково интересного для истории творчества обоих корреспондентов.

Монпелье, отель Неве, 9 окт[ября] [18]68 г.

Милостивый государь,

Ваше письмо доставило мне большую радость, так как я начал беспокоиться о вас—ваше последнее письмо не было утешительным. Вижу, что вас мучает подагра и что вы обратили на пользу вынужденный досуг:

ПРОСПЕР МЕРИМЕ
Фотография 1860-х гг.

Литературный музей, Москва

вы работали. Кажется, однако, не над «Пустосвятом», но это не так существенно. Жаль, что меня не будет в Париже в конце этого месяца и я не смогу вместе с вами прочесть эту вещь. Я пробуду здесь до 25-го или 30-го, а затем отправлюсь зимовать в Канн. Вы знаете, что почта пересылает корректуры за несколько сантимов, и мне нет нужды говорить, что я весь в вашем распоряжении.

Если бы я был в Париже, мы обменялись бы взаимными ударами, я хочу сказать, что я прочел бы вам маленькую безделушку, которой я наполовину стыжусь, наполовину доволен. Во время моего пребывания в Фонтенбло, у одной известной вам дамы⁹⁷ читались страшные и фантастические истории. Я взялся написать еще более ужасную, превзойти в жестокости Ирода, и лыщу себя надеждой, что это мне удалось не слишком плохо, по крайней мере, в выборе сюжета. Одна дама встречается медведю,

который ее насилует. У нее рождается ребенок—очень красивый, слегка покрытый волосами крепкий мальчик. Ему дают хорошее воспитание, но он сохраняет некоторые странности. Этот господин остается девственником, читает метафизические книжки и влюбляется в маленькую кокетку, белую и румяную, «как котенок у печки»⁹⁸. Он не отдает себе ясного отчета в чувствах, которые она ему внушает: имеют ли они физический или платонический характер. Он женится и загрызает ее. Мне нет надобности говорить вам, что он не знает виновника своего рождения. Его происхождение оставлено в тени, и боязливые читательницы могут даже думать, что медвежья странности являются следствием дурного г л а з а. Забавнее всего, что, обдумывая эту прекрасную историю, я имел под руками литовскую грамматику. Я стал силен в жмудском и зоматском языках и перенес действие в Литву. Местный колорит дан в избылии!!! Если бы я умел сочинять стихи, я написал бы поэму. Мне кажется, что в этом смещении человеческого со звериным есть нечто поэтическое. Я ишу заглавий, мне хотелось бы чего-то вроде «Искатель или грабитель меда»—Medvied. Но лучше всего мне понравилось бы какое-нибудь литовское слово, обозначающее медведя. Я видел нескольких литовцев, но ни один из них не знает ни слова по-жмудски. Не знаете ли вы?

Что вы скажете об испанских делах? Вы увидите, что там произойдет страшная каша. Мне очень хотелось бы, чтобы это зрелище было для остальной Европы тем же, что вид пьяного илота для спартиатов, но я боюсь противоположного результата. Госпожа Надальяк с мужем отправились в Мадрид смотреть Веласкеза, и на другой же день по их прибытии разразилась революция. Повидимому, с них было достаточно первого акта, потому что они возвращаются. Герцогиня Колонна, которую вы, кажется, знаете, была в Кордове и почти присутствовала при битве, или так называемой битве, у моста Алколеа. Я очень сожалею, что не видал этого.

Я живу здесь, чтобы принимать снова воздушные ванны. Меня захватила перед отъездом из Парижа страшная простуда, и я не могу до сих пор от нее избавиться, несмотря на прекрасную погоду. Одышка меня оставила, и я дышу немножко лучше. Вы должны приехать ко мне в Канн в ноябре или декабре. Я постараюсь доставить вам возможность застрелить кабана на горе Лестерель. Прощайте, сударь, будьте здоровы и не оставляйте меня так долго без известий о себе.

Вы знаете, что я не говорю пустых фраз: если вы хотите, чтобы я просмотрел ваши корректуры, присылайте их мне.

П. М.⁹⁹

В письме останавливает внимание, первым долгом, упоминание о работе Тургенева над «Пустосвятом»—аналогичных указаний в других источниках не встречается. Характер замысла этого произведения выясняется из более раннего письма Мериме к Женни Дакен от 2 сентября 1868 г. В нем сообщается о Тургеневе: «Я не знаю, что происходит с автором «Дыма». По последним известиям, он был в Москве, у него был припадок подагры, и он работал над своим историческим романом»¹⁰⁰. Таким образом, из переписки Мериме выясняется, что Тургенев в период, следовавший за опубликованием «Дыма» и до возникновения замысла «Нови», работал или, по крайней мере, готовился к работе над историческим

романом, повидимому, о Никите Пустосвяте. В системе творчества Тургенева замысел романа о Никите Пустосвяте поражает своей неожиданностью, хотя переход на историческую тематику после «провала» в России публицистически заостренного «Дыма», яростно атакованного и справа и слева, имел свою логику. Во всяком случае, в корреспонденции Тургенева есть еще одно глухое, не поддавшееся до опубликования письма Мериме расшифровке, указание на этот замысел. В письме к П. В. Анненкову от 22 декабря ст.ст. 1867 г. Тургенев сообщал о работе над «пре-странной повестью» и над «еще страннейшим романом»¹⁰¹.

А. Монго высказал догадку, что замысел исторического романа мог быть навеян Тургеневу Мериме, обращавшимся, возможно, с вопросами о Никите Пустосвяте к русскому романисту в период занятий петровской эпохой. Во всяком случае, Мериме проявлял большой интерес к предположенному роману и в письме к Тургеневу от 10 апреля 1868 г., к сожалению, целиком еще не опубликованном, подробно разбирал все возможности этого замысла, рассматривая его с точки зрения французского читателя. Заканчивая свои замечания, Мериме писал: «Подводя итоги, я хорошо вижу и трудности и преимущества, позволяющие удачно справиться с темой, а так как у вас есть и дерзость и сила, смело пускайтесь в путь»¹⁰².

К замыслу романа Мериме возвращался и в позднейших письмах. Так, 16 июня 1869 г. он писал Тургеневу: «Вы ничего не говорите о вашей работе. *Vitanda est improba Siren Desidia*. Напишите же нам повесть, которая бы нас не слишком опечалила. В последнее время вы злоупотребляете нашей чувствительностью. Я остановился на «Несчастной», а так как вы не желаете заняться Пустосвятом, дайте нам что-нибудь веселое. Жизнь становится настолько грустной, что не следует прибавлять вымышленных горестей к слишком многочисленным действительным»¹⁰³.

Замысел «Никиты Пустосвята» был оставлен, повидимому, на первых же этапах разработки. Опровергая слух о, якобы, прочитанных у русского посланника в Италии, Н. Д. Киселева, главах нового романа, Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 17 июля н. ст. 1869 г.: «С Киселевым-Римским я почти вовсе не знаком и уже более двух лет как не видел его—и никакого романа не только не написал, но даже мысленно не начал»¹⁰⁴.

Для изучения творчества Мериме письмо к Тургеневу от 9 октября 1868 г. представляет первостепенный интерес по содержащемуся в нем изложению замысла новеллы «Локис» (это заглавие было найдено позднее). В письмах к Женни Дакен, остававшихся до последнего времени основным источником для установления генезиса «Локиса», имеются указания, что Тургенев был привлечен к ближайшему участию в работе над этим произведением. 16 ноября 1868 г. Мериме сообщал своей корреспондентке: «Во время моих бессонниц я заботливо переписал «Искателя меда», сделал исправления, которые вы мне посоветовали и которые, как мне кажется, улучшили его. Остается неясным, что медведь зашел в своем покушении до того, что спутал генеалогию знатного рода. Однако, умные, как вы, люди поймут, что произошло очень важное событие. Я послал это новое издание г. Тургеневу для проверки местного колорита, о котором я несколько беспокоюсь. Беда в том, что ни он, ни я не могли найти ни одного литвина, знающего свой язык и свою страну»¹⁰⁵.

В заключительных строках письма Мериме к Тургеневу речь идет о просмотре корректуры французского перевода одной из новелл, вероятно,

«Бригадира», опубликованного в оригинале в январской книжке «Вестника Европы». 16 июня 1868 г. Мериме писал Женни Дакен: «Г-н Тургенев только что прислал мне коротенькую, но очень красивую новеллу под заглавием «Бригадир». Сейчас ее переводят, и если мне пришлют корректуры, я ознакомлю вас с нею»¹⁰⁶. Прислал ли Тургенев корректуры и был ли отредактирован перевод этой вещи французским писателем, остается неизвестным.

IX

Летом 1868 г. Тургенев работал над повестью «Несчастливая», законченной к 9 сентября н. ст. Эту повесть Мериме, очевидно, и желал выслушать, предлагая организовать по возвращении в Париж совместное чтение. Позднее, прочитав «Несчастную» в оригинале, полученном от Тургенева, Мериме следующим образом делился своими впечатлениями в письме к г-же Делессер от 31 марта 1869 г.:

«Я получаю известия о Тургеневе, который находится в настоящее время в Париже. Очень жалею, что не могу с ним повидаться. По своему обыкновению, он проведет в Париже всего несколько дней. Он прислал мне еще не переведенный рассказ, который, по его словам, он и не хочет давать переводить. Рассказ называется «Несчастливая». Нет ничего более ужасного по правдивости. Я его побранил за выбор подобной темы. Столько грустных вещей в этом мире, истинность которых не приходится оспаривать, что не следует прибавлять к ним вымышленных бедствий. За исключением некоторого излишества в подробностях, этот рассказ кажется мне превосходным, но его не следует читать к ночи». Нужно отметить, что первую информацию об этом рассказе Мериме получил от автора еще осенью 1868 г., вскоре по окончании работы над ним Тургенева, и тогда же сообщил об этом г-же Делессер. Он писал ей 11 октября 1868 г.: «Я получил вести о Тургеневе. Он привезет из России рассказ, но не тот, о котором он мне писал» (М. Партюрье, опубликовавший это письмо, ошибаясь, полагая, что речь в нем идет о «Степном короле Лире») ¹⁰⁷. О внимательности, с которой Мериме следил за произведениями Тургенева, свидетельствует встревоженный тон его запроса о напечатанном в «Revue des Deux Mondes» от 1 апреля 1868 г. переводе «Истории лейтенанта Ергунова». 10 апреля он писал Тургеневу: «Я не читал перевода в «Revue des Deux Mondes». Это будет для меня совершенной новостью» ¹⁰⁸.

В осенних письмах 1869 г. Мериме сообщал Тургеневу подробности о чтениях и публикации новеллы «Локис». 16 августа он писал: «В припадке слабости я обещал Бюлозу дать «Медведя» в ближайшем месяце. Я вам, кажется, говорил, что читал его барышням, которые в нем ничего не поняли. Это меня успокоило». 11 сентября: «„Локис“ появится в ближайшей книжке журнала. Преемник г. Мора приходил вчера с корректурами и говорил мне о невозможности поставить заглавие «Локис» колонтитилом наверху страницы, потому что это слово слишком коротко. Посмеявшись немного над претензиями типографии, я пришел в страшную ярость и хотел взять обратно мою рукопись. Я почти сержусь, что не сделал этого. Может быть, я напишу в отомщение рассказ, который будет озаглавлен довольно распространенным в Арагонии женским именем, а именно: О. Там есть круглая церковь, в которой творятся великие чудеса с причастием, которое один иудей хотел осквернить. Эта церковь названа за ее форму N[ostr]a S[anct]a de O, и я знал в Мадриде одну девушку с этим именем,

ОБЛОЖКА ИЗДАНИЯ РОМАНА „ДЫМ“
НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ В ПЕРЕВОДЕ,
СДЕЛАННОМ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ПРОСПЕРА МЕРИМЕ. ПАРИЖ, 1868 г.

F U M É E

PAR

J. TOURGUÉNEF

PARIS

J. HETZEL, LIBRAIRE-ÉDITEUR
18, RUE JACOB, 18

1868

Tous droits réservés

которая получила от меня несколько легко заработанных дуро». 10 октября: «Я не мог противостоять ласковым домогательствам Бюлоза, но тотчас же почувствовал страх, как только предоставил ему моего «Медведя». К счастью, никто не увидел в нем ничего безнравственного. Одна принцесса запрашивала меня в письме, не злоупотребил ли медведь своим положением; отвечая, я выразил удивление, что подобная мысль могла ей притти в голову, и отослал ее к Кювье. Будьте любезны, передайте благодарность г. Шмидту, с которым я не знаком, но который обладает, повидимому, прекрасным вкусом»¹⁰⁹.

В самом конце 1869 г. Тургенев сообщил Мериме о своем желании прислать ему новое семитомное собрание своих сочинений (2-е Салаевское издание, Москва, 1868—1869). В ответ на это обещание Мериме писал Тургеневу 23 декабря 1869 г. из Канна:

«В моей библиотеке имеется пять прилично переплетенных томов. Вы сообщаете мне о семи. В конце концов все, что приходит от вас, будет хорошо принято... Следуйте примеру Геродота, который оставил нам девять книг. А у вас всего только семь»¹¹⁰.

В начале 1870 г. Мериме приступил к своему последнему переводу из Тургенева. 10 февраля этого года он писал из Канна Женни Дакен: «Я только что перевел для «Revue» одну новеллу Тургенева — она появится в ближайшем месяце»¹¹¹. Речь идет здесь о переводе «Странной истории», опубликованном в первой мартовской книжке «Revue des Deux Mondes» за 1870 г.

По поводу печатания этого рассказа во французском издании Мериме писал Тургеневу 25 марта 1870 г. из Канна: «Я не просматривал «Revue» за последний месяц, но я знаю, что «Странная история» появилась. Надеюсь, что Бюлоз, по моему совету, посылал вам корректуру, по которой

вы выправили все бессмыслицы». В этом же письме Мериме сообщал Тургеневу отзывы о рассказе: «У нас здесь есть несколько русских, и через некоторых из них, с которыми я встречаюсь, я знаю, что говорят в Ницце, где их целая колония. Как кажется, ваш последний рассказ привел их в ярость. Они говорят, что вы ожесточенный враг России и что вы хотите видеть только ее теневые стороны. Я спросил у одной дамы, которая казалась очень возмущенной, в чем теневая сторона в вашем рассказе. Ответ:—Всюду.—Имеются ли юродивые в России?—Конечно.—А крайне набожные и восторженные девицы?—Безусловно.—На что же вы тогда жалуетесь?—Не нужно говорить об этом иностранцам.—Я передаю вам этот отзыв так, как я его слышал. Лакейский патриотизм повсюду один и тот же: я не знаю ничего более глупого»¹¹². Вопроса о националистской ограниченности Мериме касался и в более раннем письме к Тургеневу, от 20 августа 1867 г.: «Нет ничего глупее лакейского патриотизма. Я считал, что русские лишены его именно ввиду большого своеобразия их культуры по сравнению с культурой Западной Европы»¹¹³.

Последним беллетристическим произведением Тургенева, о котором пришлось узнать Мериме, была повесть «Степной король Лир». О работе над нею автор осведомлял французского писателя осенью 1869 г. Мериме жаловался в ответном письме от 10 октября: «Вы говорите мне о «Степном короле Лире», как будто я о нем уже слышал. Давно уже я ничего не знаю о ваших замыслах»¹¹⁴. Прочсть самую повесть Мериме уже не пришлось. Оконченный в июне 1870 г. «Степной король Лир» был опубликован только после смерти французского писателя, в октябрьской книжке «Вестника Европы».

X

Во второй половине шестидесятых годов свидания обоих писателей, как указывалось, становились все реже, связь между ними поддерживалась только перепиской. Объявленная 15 июля н. ст. 1870 г. франко-прусская война отрезала Баден-Баден от Франции. Переписка с Канном стала затруднительной и шла кружным путем.

23 сентября 1870 г. Мериме, давно уже надломленный болезнью и нравственно разбитый крушением Второй империи, с правящей верхушкой которой он был связан, умер в Канне. За несколько часов до смерти он написал последнюю записку к Тургеневу, в которой благодарил за присылку «Казни Тропмана», оттиска из июньской книжки «Вестника Европы», и давал отзыв об этой вещи:

Канн, 23 сентября 1870 г.

Милостивый государь,

Я очень болен, мне хватит силы только пожать вашу руку. Позднее я напишу вам подробнее. Я прочел вашу статью—она мне не понравилась. Это нужно оставить Максиму Дю-Кану. Надеюсь, что вы работаете. Я хотел бы, чтобы это было и для меня возможным.

Искренне ваш

П. Мериме¹¹⁵

Грохот войны заглушил известие о смерти Мериме. Л. де Ломени в своей речи во Французской академии вспоминал: «Мы были тогда замкнуты в железном кольце [в Париже] и только месяц спустя после кон-

чины нашего собрата, из английской газеты, случайно ускользнувшей от бдительного надзора врагов, узнали, что Франция потеряла одну из своих слав. В другое время эта весть взволновала бы весь Париж»¹¹⁶.

С меньшим запозданием прочел траурное сообщение бельгийской печати Тургенев.

Он немедленно откликнулся на это известие письмом-некрологом, оказавшимся, как это ни странно, вполне забытым всеми позднейшими исследователями и редакторами Тургенева. Некролог был напечатан в «Санкт-Петербургских Ведомостях», в № 275 от 6 октября 1870 г., за подписью «И. Т.»¹¹⁷. Это не только блестящая характеристика Мериме, но и единственное развернутое высказывание о нем Тургенева.

НЕКРОЛОГ

(Из частного письма)

Баден-Баден, 28-го сентября (10-го октября) [1870 г.]

Вчера я прочел в «Indépendance Belge» известие о смерти П. Мериме в Канне. Оно меня очень огорчило, хотя я до некоторой степени ожидал его: последнюю его записку ко мне от 23-го сентября я едва мог разобрать,—до того изменился его красивый и четкий почерк¹¹⁸. Смерть производит всегда впечатление чего-то неожиданного, как ни ежедневна, как ни ежеминутна она. Я уже не говорю о том, что литература теряет в Мериме одного из самых тонко-умных повествователей, талант которого заслужил высокое одобрение Гёте; но мы, русские, обязаны почитать в нем человека, который питал искреннюю и сердечную привязанность к нашему народу, к нашему языку, ко всему нашему быту,—человека, который положительно благоговел перед Пушкиным и глубоко и верно понимал и ценил красоты его поэзии. Лично я теряю в нем друга... Я постоянно с ним переписывался, но видел я его года два тому назад в Париже: он уже тогда страдал той болезнью (водянкой в легких), которая унесла его. Про Мериме весьма справедливо сказал Э. Ожье, что он был «un faux égoïste»—как бывают «faux bonhommes», под наружным равнодушием и холодом он скрывал самое любящее сердце; друзьям своим он был неизменно предан до конца; в несчастье он еще сильнее прилеплялся к ним, даже когда это несчастье было не совсем незаслуженное. Стоит вспомнить, как он заступился за известного библиотекаря Либри... Он подвергся даже двухнедельному заключению за то, что не хотел верить тем похищениям, в которых обвинялся его друг¹¹⁹. Кто его знал, тот никогда не забудет его остроумного, неназойливого, на старинный французский лад, изящного разговора. Он обладал обширными и разнообразными сведениями; в литературе дорожил правдой и стремился к ней, ненавидел аффектацию и фразу, но чуждался крайностей реализма и требовал выбора, меры, античной законченности формы. Это заставило его впасть в некоторую сухость и скупость исполнения, и он сам в этом сознавался в те редкие мгновения, когда позволял себе говорить о собственных произведениях. В этом отношении я не знал человека более безличного, «plus impersonnel», как говорят французы, большего врага частицы: я. Я не знал также человека менее тщеславного: Мериме был единственный француз, не носивший в петличке розетки почетного легиона (он был командором этого ордена). В нем с годами все более и более развилось то полуна-

смешливое, полусочувственное, в сущности, глубокогуманное воззрение на жизнь, которое свойственно скептическим, но добрым умам, тщательно и постоянно изучавшим людские нравы, их слабости и страсти. Он ясно понимал и то, что не согласовалось с его убеждениями. И в политике он был скептик... Но этот вопрос мы всегда оставляли в стороне, так как он лично был привязан к наполеоновскому семейству и знал мое мнение о нем. Впрочем, я не намерен теперь представить оценку его личности... я, быть может, попытаюсь сделать это впоследствии... Мериме исполнилось 67 лет: он родился 28-го сентября 1803 года.

И. Т.

XI

На предыдущих страницах суммирован весь известный в печати документальный материал, освещающий отношения обоих писателей¹²⁰. Нужно подвести некоторые итоги.

Знакомство Тургенева с Мериме длилось 13 лет, с 1857 по 1870 гг. В течение первых шести лет были возможны частые встречи, с 1863 г. связь поддерживалась почти исключительно перепиской, повидимому, очень интенсивной. Сохранившаяся ее часть свидетельствует о взаимном понимании и доверии друг к другу обоих литераторов. Тургенев делился с Мериме своими литературными проектами с большей, подчас, откровенностью, чем с русскими друзьями и корреспондентами. В свою очередь, Мериме, обычно скупой на творческие признания, детально излагал русскому романисту свои замыслы и охотно консультировался с ним. Основой для сближения явились, конечно, русские интересы Мериме. Переводчик Пушкина и Гоголя, автор ряда статей о русских писателях, Мериме стремился через Тургенева ближе ознакомиться с Россией. Тургенев сближался с французским новеллистом в целях большей популяризации родной литературы в Западной Европе. Неслучайно, конечно, в немногочисленных, сохранных современниками рассказах Тургенева о Мериме, последний постоянно характеризуется, как знаток и ценитель русской литературы¹²¹.

Тургенев и Мериме осуществили ряд совместных трудов, направленных к пропаганде русской литературы во Франции. Общие интересы и общая работа сближали их, но в их отношениях, охарактеризованных русским писателем словом «дружба», не было той интимности, которая отличала, например, дружбу Тургенева с Флобером. Характерна в этом отношении маленькая деталь: во всех письмах к Тургеневу Мериме придерживается вполне официального обращения «*Cher Monsieur*». Особый отпечаток на отношения обоих писателей расхождение в общественных и политических убеждениях, расхождение, наличие которого Тургенев считал нужным оговорить в некрологе. В глазах Тургенева Вторая империя была оплотом европейской реакции. В эпоху франко-прусской войны он писал И. П. Борисову: «Я... радуюсь поражению Франции—ибо вместе с нею поражается на смерть наполеоновская империя, существование которой несовместно с развитием свободы в Европе»¹²². В письме к Л. Пичу Тургенев приветствовал падение Наполеона III: «Истинное счастье, что привелось быть свидетелем тому, как низринул в клоаку этот жалкий негодяй со всей своей кликой»¹²³. Сенатор Проспер Мериме, близкий друг императрицы Евгении, был неразрывно связан с правящей верхушкой Второй империи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ

- Боткин и Тургенев, Переписка В. П. Боткин и И. С. Тургенев, Неизданная переписка. 1851—1869. Приготовил к печати Н. Бродский. М., «Academia», 1930.
- Виноградов А. К. Виноградов, Мериме в письмах к Соболевскому. М., Московское художественное издательство, 1928.
- Клеман М. К. Клеман, Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, Л., «Academia», 1934.
- Тургенев, Сочинения И. С. Тургенев, Сочинения. Редакция К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, Л., Гиз, 1928—1934.
- Halpérine-Kaminsky Е. Halpérine-Kaminsky, Ivan Tourguénéff d'après sa correspondance avec ses amis français, P., 1901.
- Mongault Н. Mongault, Mérimée et la littérature russe — вступительная статья к 1-му тому «Etudes de littérature russe», в Œuvres complètes de Prosper Mérimée publiées sous la direction de Pierre Trahard et Edouard Champion, P., 1931.
- «Lettres à une inconnue» Lettres à une inconnue, par P. Mérimée, précédées d'une étude sur Mérimée par H. Taine, P., 1874.
- «Lettres à une autre inconnue» Lettres à une autre inconnue, par P. Mérimée. Avant-propos par H. Blaze de Bury, 3-me éd., P., 1875.
- «Lettres à la famille Delessert» Lettres de Mérimée à la famille Delessert publiées avec une introduction et des notes par Maurice Parturier. Préface d'Émile Henriot, P., 1931.

ОБЛОЖКА ИЗДАНИЯ ПОВЕСТЕЙ
ТУРГЕНЕВА НА ФРАНЦУЗСКОМ
ЯЗЫКЕ, В ПЕРЕВОДЕ ПРОСПЕРА
МЕРИМЕ И САМОГО ТУРГЕНЕВА.
ПАРИЖ, 1869 г.

«Lettres à Panizzi»

P. Mérimée, *Lettres à M. Panizzi, 1850—1870.*
Publiées par M. Louis Fagan, 5-me éd., P., 1881.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Тургенев и его время». Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского, М., Гиз, 1923, стр. 233—235.

² *Ibid.*, стр. 235—236.

³ «Discours de M. de Loménie prononcé dans la séance publique du 8 janvier 1874 en venant prendre séance à la place de M. Mérimée» в издании «Recueil des discours, rapports et pièces diverses lus dans les séances publiques et particulières de l'Académie Française. 1870—1879». 1-ère partie, P., 1876, p. 487.

⁴ Письмо от 3 октября 1856 г. См.: «Тургенев и круг „Современника“». Неизданные материалы. 1847—1861». Л., «Academia», 1930, стр. 49. Тургенев приехал в Париж в 1856 г., около 8 августа н. ст., однако, до 1 ноября жил преимущественно в поместье Виардо Куртавнеле, см. К л е м а н, стр. 85—86.

⁵ Письмо от 13 ноября 1856 г. См.: «Вестник Европы», 1894, кн. 2, стр. 497.

⁶ *Ibid.*, стр. 498. Скептический отзыв о литературных кругах Парижа дается Тургеневым и в письме к А. Н. Островскому от 19 ноября н. ст. 1856 г.: «Хочется мне посмотреть поближе на здешнюю жизнь и на здешнюю литературу. Оно, пожалуй, и не весело, да поучительно. Все здесь измельчало и изломалось. Простоты и ясности не ищи; все здесь хитро и столь же бедно, нищенски бедно, сколь хитро». См.: «Неизданные письма к А. Н. Островскому», М., «Academia», 1932, стр. 586—587.

⁷ Письмо к П. В. Анненкову от 15 апреля 1857. См.: «Наша Старина», 1914, кн. 12, стр. 1073—1074.

⁸ В письме от 23 ноября 1856 г. Мериме извещал г-жу Ларошжаклен о своем намерении уехать в Ниццу, а затем в Прованс. Следующее письмо, датированное «среда, какого-то числа декабря» (вероятно, 10-го или 17-го), помечено «Карабасель; близ Ниццы». О возвращении в Париж Мериме извещал свою корреспондентку в письме от 18 февраля 1857 г. См.: «Une correspondance inédite de Prosper Mérimée [avec M-me de La Rochejacquelein]», P., 1897, pp. 54, 59, 63.

Знакомство Тургенева с Мериме не могло состояться до отъезда последнего в Ниццу, т. е. в октябре или ноябре 1856 г. Об этом свидетельствует хотя бы письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 15 января 1857 г.: «Много новых сделано мною знакомств, но симпатического нового лица не попадалось до сих пор. Один мне только понравился, Гриви, бывший главою умеренных республиканцев в Законодательном собрании» («Наша Старина», 1914, кн. 11, стр. 987—989). Разумеется, Тургенев не умолчал бы о Мериме, если бы знакомство с ним состоялось до отсылки цитируемого письма.

⁹ Боткин и Тургенев, Переписка, стр. 115—116.

¹⁰ Письмо к М. Н. Лонгинову от 7 марта н. ст. 1857 г. См.: «Сборник Пушкинского дома на 1923 год», П., 1922, стр. 188.

¹¹ «Наша Старина», 1914, кн. 11, стр. 992.

¹² В письме из Парижа от 16 января 1857 г. Тургенев писал А. И. Герцену:

«А к д'Агу я езжу с точки зрения естествоиспытателя. Какие там попадаются «букашки и таракашки» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова», Женева, 1892, стр. 106). Исправляем здесь ошибочное чтение Драгоманова, напечатавшего в тексте письма Тургенева «d'Агу». Это имя не поддается комментарию и явилось, конечно, в результате расшифровки русской транскрипции д'Агу, как французского написания. Возможность такого исправления была мне указана В. Д. Комаровой.

М а р и я д'А г о у л т (1805—1876)—французская писательница, выступавшая под псевдонимом Daniel Stern, автор ряда публицистических и исторических работ: «Lettres républicaines» (1848), «Esquisses morales et politiques» (1849), «Histoire de la Révolution de 1848», «Trois journées de la vie de Marie Stuart» (1856), «Histoire des commencements de la République aux Pays-Bas, 1581—1625» (1872). Ее литературный салон объединял оппозиционные элементы.

¹³ См. комментарий к «Сценам и комедиям»: Т у р г е н е в, Сочинения, III, стр. 231. Ср. также работу Л. Г р о с с м а н а, Театр Тургенева, П., 1924.

¹⁴ Тургенев, Сочинения, XII, стр. 68.

¹⁵ Библиография русских работ Мериме дана в отпечатанной в 30 экземплярах брошюре С h a m b o n (F.), Prosper Mérimée et la Russie, P., 1904. (Для настоящей статьи я имел возможность пользоваться экземпляром, принадлежащим В. Д. Кома-

ровой). Работа Шамбона вошла в состав подготовленной им к печати книги: P. Mérimée, *Lettres aux Lagrené*, P., 1904.

Об интересе, с которым Тургенев следил за «русскими» работами Мериме, свидетельствуют настойчивые запросы о них в письмах к друзьям. Узнав во время спасской ссылки о появлении во второй декабрьской книжке «*Revue des Deux Mondes*» драматических сцен Мериме «*Le faux Démétrius*», Тургенев просил П. В. Анненкова (в письме от 10 января 1853 г.): «Напишите мне... о «Лже-Дмитрие» Мериме в *Revue des 2 Mondes*». 2 февраля, не дождавшись ответа, он пенял своему корреспонденту: «Что же вы мне ничего не сказали о «Мериновском Самозванце»? Если тот № *Revue des 2 Mondes* не запрещен—достаньте его как-нибудь и пришлите ко мне—я вам в ножки поклонюсь» («Звенья», т. V, стр. 268, «Наша Старина», 1914, кн. 9—10, стр. 848. Ср. повторные просьбы о присылке журнала в письмах к П. В. Анненкову от 24 февраля и 14 марта).

¹⁶ «*Mémoires d'un seigneur russe ou tableau de la situation actuelle des nobles et des paysans dans les provinces russes. Traduit du russe par Ernest Charrière*». P., 1854. («*Bibliothèque des chemins de fer*»). Второе издание вышло под измененным титулом: «*Mémoires d'un seigneur russe par M. Ivan Tourguéneff. Traduit par Ernest Charrière. Nouvelle édition, revue et complétée*». P., 1855. О литературной судьбе этих изданий см.: Клеман М., «Записки охотника» и французская публицистика 1854 г.—«Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова», Л., Издательство АН СССР, 1934, стр. 305—314.

¹⁷ Могна́нд (Félix), *Causerie littéraire*—«*Illustration*» 1854, 29 avr., pp. 262—263.

¹⁸ «Первое собрание писем И. С. Тургенева», СПб., 1884, стр. 31.

¹⁹ «*Moumounia* (trad. par M. Ch. de Saint-Julien)».—«*Revue des Deux Mondes*», 1856, 1 mars. В этом же журнале были напечатаны переводы «Фауста» и «Аси» (1 окт. 1858 г.), «Трех встреч» (1 окт. 1859 г.), «Где тонко, там и рвется» (15 июня 1861 г.), «Дневника лишнего человека» (1 дек. 1861 г.), «Призраков» (15 июня 1866 г.), «Истории лейтенанта Ергунова» (1 окт. 1868 г.), «Странной истории» (1 марта 1870 г.) и «Степного короля Лира» (15 марта 1872 г.).

²⁰ Письмо от 9 апреля 1868 г. См.: «Русское Обозрение», 1894, кн. 2, стр. 494.

²¹ Mérimée (P.), *La littérature et le servage en Russie*.—«*Revue des Deux Mondes*», 1854, 1 juillet, pp. 183—193.

²² «*Revue des Deux Mondes*», 1879, 15 août, p. 735.

²³ «Наша Старина», 1914, кн. 12, стр. 1072—1074.

²⁴ «*Lettres à une inconnue*», I, p. 364.

²⁵ Тургенев, *Сочинения*, XII, стр. 332.

²⁶ Mérimée (P.), *Lettres à la comtesse de Montijo. Publiées par les soins du duc d'Albe. Préface de Gabriel Hanotaux*, P., s. a., II, pp. 132—133.

²⁷ «*Lettres à Panizzi*», I, p. 38.

²⁸ «*Lettres à une inconnue*», II, p. 53.

²⁹ Письмо к Н. Н. Тургеневу. См.: «Первое собрание писем И. С. Тургенева», СПб., 1884, стр. 61.

³⁰ Виноградов, стр. 181.

³¹ Chambon (F.), *Notes sur Prosper Mérimée*, P., 1902, pp. 475—476.

³² «*Lettres à Panizzi*», p. 206.

³³ Основания нашей датировки записки к Биксио таковы. В промежутке между 1861 и 1865 гг. (год смерти А. Биксио) 18-е число приходилось на четверг: в апреле и июле 1861 г., сентябре и декабре 1862, июне 1863, феврале и августе 1864, мае 1865. Тургенев был в Париже из всех этих сроков только в апреле 1861 и в декабре 1862 г., но декабрь 1862 г. Мериме проводил в Канне. Таким образом, четверг 18 апреля 1861 г. остается единственной возможной датой записки. См.: «*Lettres à une inconnue*», II, p. 207, и Клеман—соответствующие страницы.

Из другого источника устанавливается, что к 1862 г. Тургенев и Биксио уже были знакомы. См. описание пригласительной записки Биксио к Тургеневу от 15 января 1862 г.—Мазон (A.), *Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguéneff*, P., 1930, p. 107.

³⁴ Виноградов, стр. 186.

³⁵ *Ibid.*, стр. 196.

³⁶ *Ibid.*, стр. 194; ср. также Клеман, стр. 127.

³⁷ Chambon (F.), *Notes sur Prosper Mérimée*, P., 1902, pp. 307—308.

³⁸ В письме от 14 июля 1867 г. Мериме сообщал графине Пшездецкой: «Г-н Тургенев торопит меня приехать для свидания с ним в Баден». Поездка эта, однако, не состоялась. См.: «*Lettres à une autre inconnue*», p. 120.

³⁹ «*Lettres à la famille Delessert*», p. 175.

⁴⁰ «*Lettres à une inconnue*», II, p. 67—68.

⁴¹ Chambon (F.), *Lettres inédites de Mérimée*, P., 1900, p. 212.

⁴² Mongault, p. CIV.

⁴³ «Lettres à une inconnue», II, p. 212.

⁴⁴ «Lettres à une autre inconnue», pp. 15—16, 21, письма от 12 и 30 июня 1866 г. «Lettres à la famille Delessert», p. 202. Письмо от 31 марта 1870 г., *Journal de Pr. Mérimée*. — «Œuvres complètes de Prosper Mérimée. Lettres à Francisque Michel. Journal de Prosper Mérimée. Texte établi et annoté avec une introduction par Pierre Trahard», P., 1930, p. 155. «Pro memoria», P., 1907, p. 132.

⁴⁵ Письма от 10 февраля, 20 апреля, 4 августа и 2 сентября 1868 г. См.: «Lettres à une inconnue», pp. 325—326, 329, 331, 334. Письмо к Гобино от 14 июля 1868 г. См.: «Revue des Deux Mondes», 1902, 1 novembre, p. 51.

⁴⁶ «Revue de Paris», 1894, 15 juillet, pp. 253—254.

⁴⁷ Фет А. А., *Мои воспоминания*, М., 1890, II, стр. 78.

⁴⁸ Письмо к императрице Евгении от 25 октября 1865 г. См.: Mérimée (P.), *Lettres à la comtesse de Montijo*, II, p. 279.

⁴⁹ Chambon (F.), *Notes sur Prosper Mérimée*, P., 1903, p. 403.

⁵⁰ «Apparitions, trad. de Tourguéneff», pp. 853—879. Перевод сопровождается подстрочным примечанием: «Слово apparitions является буквальным переводом русского заглавия «Призраки». Оно указывает с полной ясностью на характер сцен, предлагаемых читателю. Это произведение заняло вот уже три года место среди лучших страниц г. Тургенева и заслуженно привлекло внимание такого переводчика, как г. Проспер Мериме».

⁵¹ Tourguéneff I., *Nouvelles moscovites. Le juif, Pétouchkof, Le chien, Apparitions*. Traduction par P. Mérimée. Annouchka, Le Brigadier, Histoire de lieutenant Yergounof. Traduction par l'auteur. J. Hetzel et Cie éditeurs, P., s. a. [Книжка вышла в мае 1869 г.]. Из переписки Тургенева устанавливается, что «Ася», «Бригадир» и «История лейтенанта Ергунова» не были им переведены, а, в лучшем случае, только отредактированы.

⁵² «Etrange histoire, trad. de Tourguéneff», pp. 178—195.

⁵³ «Pères et enfants par Ivan Tourguéneff. Avec une préface de Prosper Mérimée de l'Académie Française», P., 1863, pp. III—IV. К образам из романа Тургенева Мериме возвратился в письме от 5 ноября 1866 г. к Жени Дакен, характеристику принца Лейхтенбергского, как «республиканца и социалиста, к тому же нигилиста вроде тургеневского Базарова». См.: «Lettres à une inconnue», II, p. 229.

⁵⁴ «Призраки уже начал переводить с Виардо», — сообщал Тургенев Н. В. Щербаню в письме от 20 июня 1863 г. См.: «Русский Вестник», 1890, кн. 8, стр. 8.

⁵⁵ Mongault, p. CX.

⁵⁶ Ibid., p. CX.

⁵⁷ Ibid., pp. CX—CXI.

⁵⁸ «Lettres à une autre inconnue», pp. 15—16.

⁵⁹ Ibid., p. 21. 3 апреля 1869 г. Тургенев поручил Альберту Тургеневу подыскать переписчика и направить его в бюро газеты «Le Nord», «чтобы он переписал на почтовой бумаге 3 фельетона 8, 9 и 10 ноября 1866 г., заключающих перевод... небольшого рассказа «Собака». Мне это необходимо для печатания, которое предполагается начать», разъяснял Тургенев в заключении письма. См.: «Тургенев и его время. Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского», М., 1923, стр. 228—229. Ввиду отсутствия в ленинградских библиотеках комплекта «Le Nord» за 1866 г., не удалось проверить, совпадает ли текст, данный в этой газете, с текстом «Собаки» в «Nouvelles moscovites», т. е. был ли в газете «Le Nord» опубликован перевод П. Мериме.

⁶⁰ Mongault, p. CXII.

⁶¹ Датировка записки 1866 г. принадлежит М. Партюрье, опубликовавшему ее. См.: «Lettres à la famille Delessert», p. 149.

⁶² Боткин и Тургенев, *Переписка*, стр. 235. Упомянутое Тургеневым письмо Мериме (от 21 августа 1866 г.) сохранилось, но в печати не появлялось. Характеризуя его, Н. Mongault сообщает, что Мериме высказывает опасение, не затерялся ли пакет с корректурой, содержания которого он не знает. См.: Mongault, p. CXIII.

⁶³ Боткин и Тургенев, *Переписка*, стр. 235.

⁶⁴ «L'Europe Nouvelle», 1929, № 585, 27 avr., pp. 537—538.

⁶⁵ Mongault, p. CXIV.

⁶⁶ «Lettres à la famille Delessert», pp. 150—151.

⁶⁷ Mongault, p. CXIV. «Ася» была впервые переведена на французский язык Делаво и напечатана в первой октябрьской книжке «Revue des Deux Mondes» 1858 г. От произведения этого перевода в сборнике «Nouvelles moscovites» Тургенев отказался.

И. С. ТУРГЕНЕВ

Автопортрет-шарж, Париж, 1878—1879 гг.

Литературный музей, Москва

⁶⁸ «Lettres à la famille Delessert», pp. 182—183.

⁶⁹ Mongault, pp. CXV—CXVI.

⁷⁰ Ibid., pp. CIV, CXVIII.

⁷¹ «L'Europe Nouvelle», 1929, № 585, p. 538.

⁷² «Lettres à une inconnue», II, pp. 325—326.

⁷³ Halpérine-Kaminsky, p. 324. Автор явно неправильно датирует первое письмо к А. Голицыну «понедельник, 7 июля 1867», а второе «пятница, 9 июля 1867». Седьмое июля приходилось в 1867 г. (по н. ст.) на воскресенье, а девятое—на вторник. Исправлю датировку на «понедельник, 1 июля 1867» и «пятница, 5 июля 1867», исходя из следующих соображений: в тексте третьего письма к А. Голицыну из Баден-Бадена от 10 июля 1867 г. Тургенев объясняет задержку ответа на письмо Голицына от 5 июля ожиданием ответа на собственное письмо, заключавшее сообщение о предложениях Мериме, т. е. второе из известных писем к А. Голицыну. При близости расстояния между Парижем и Баден-Баденом естественно предположить, что оба письма, и Тургенева и Голицына, разминулись, так как были написаны в один день—в пятницу, 5 июля, а если так, то предыдущее письмо, помеченное понедельником и июлем, могло быть написано только к о первого числа. Четырех дней было вполне достаточно для получения ответа Мериме, а особенности тургеневского написания цифр 1 и 5 вполне допускают ошибочное чтение 7 и 9.

⁷⁴ Halpérine-Kaminsky, pp. 324—325.

⁷⁵ Mongault, p. CXX.

⁷⁶ Halpérine-Kaminsky, p. 326.

⁷⁷ Mongault, pp. CXXI—CXXII.

⁷⁸ Halpérine-Kaminsky, p. 327.

⁷⁹ Ibid., p. 329. Ср. также на стр. 330 письмо от 15 сентября.

⁸⁰ Ibid., pp. 327—329: письма к А. Голицыну от 14 и 17 августа и 11 сентября 1868 г.

⁸¹ Mongault, pp. CXXII.

⁸² Mérimée (P.), Lettres à la comtesse de Montijo, P., 1930, t. II, p. 325.

⁸³ «Lettres à la famille Delessert», pp. 170—171.

⁸⁴ Mongault, p. CXXIII.

⁸⁵ «Lettres à une inconnue», II, pp. 314—315.

⁸⁶ Ibid., pp. 316—317.

⁸⁷ Письмо к А. Голицыну от 11 сентября 1867 г. См.: Halpérine-Kaminsky, p. 329.

⁸⁸ «Lettres à la famille Delessert», p. 172. Сопоставляя эти строки с письмом к Ж. Дакен от 27 сентября 1867 г., М. Партжурье датирует письмо к г-же Делессер этим же числом. Однако, письмо помечено в о с к р е с е н ь е м, а 27 сентября приходилось в 1867 г. на п я т н и ц у. Было бы вернее датировать его 29 сентября

или одним из ближайших воскресений—6 или 13 октября. Датировку письма октябрем можно было бы аргументировать, во-первых, тем, что Мериме неточно, очевидно, уже по памяти, цитирует начальную фразу заключительной сцены главы XVII романа, а во-вторых, сообщением Мериме о приостановке публикации «Дыма». Ср. письмо Тургенева к А. Голицыну от 19 октября 1867 г.: Halprérine-Kaminsky, p. 331.

⁸⁹ Тургенев, Сочинения, XII, стр. 279—280.

⁹⁰ Mongault, pp. CXXVI—CXXVII.

В ответ на замечания по статье о Пушкине, Мериме писал Тургенову: «Я получил ваше письмо, доставившее мне большое удовольствие. Однако, я удручен количеством совершенных мною ошибок—у меня не было здесь ни одной книги, которая была бы мне полезна, не было даже сочинений Пушкина, за исключением одного тома, привезенного сюда с берегов Волги одной сентиментальной девушкой и содержащего только лирические стихотворения». См.: Mongault, pp. VI и CLXVI.

⁹¹ «Русское Обозрение», 1894, кн. 2, стр. 491.

⁹² «Lettres à une inconnue», II, p. 329.

⁹³ Перевод «Дыма», напечатанный в «Correspondant», был выпущен и отдельными оттисками: F u m é e, par I. Tourguénef. Traduit du russe. In 8°, 140 p., P., imp. Raçon et C-ie, lib. Doumiol. Extrait du Correspondant (см. «Bibliographie de la France», 28 décembre 1867, № 52, p. 601). В марте 1868 г. вышло второе французское издание «Дыма»: F u m é e, par I. Tourguénef. In 18 Jésus, 341 p., P., imp. Claye lib. Hetzel («Bibliographie de la France», 28 mars 1868, № 13, p. 148). Тургенев писал П. Виардо 27 марта 1868 г., сообщая о встречах с рядом парижских знакомых (Ложелем, Ланфреем, Шерером, Дюпоном, Уайтом, Ренаном, г-жей Моль): «Оказывается, моя книга по-настоящему имеет успех, и мне по ее поводу говорили много любезностей» («Русская Мысль», 1912, кн. 1, стр. 114—115). Говоря о трудности пристроить в печати французские переводы русских авторов, Тургенев писал М. В. Авдееву 18/30 апреля 1868 г.: «Мои книги перевестились, но собственно я ни копейки за это не получал никогда,—а переводчику в виде великой милости платилось, и то не всегда,—франков 300, 400—афера, как видите, не блестящая. Нечего и говорить, что ни одной моей книги не разошлось и первого издания, т. е. 2400 экз... За F u m é e, без сравнения самый удачный мой роман с точки зрения продажи в Париже, я также ничего не получил» («Русская Старина», 1902, кн. 9, стр. 493—494).

⁹⁴ Мериме ценил исключительно высоко пьесы Тургенева и настойчиво советовал ему возвратиться к драматургии. Получив известие о его работе над «Дымом», Мериме писал Тургенову 9 марта 1866 г.: «Я очень рад, что вы пишете роман и размышляете о драме... Поверьте, что драма—ваше прямое дело. Я не говорю о драме для сцены или которую можно было бы поставить на сцене, но о драме для умных людей, «the happy few», для чтения в кресле. Вы естественны и немного чересчур любите мелкие подробности. Ваши достоинства проявятся в полном блеске, а в ваши ошибки вы не сможете впасть». См.: Mongault, p. CXXXVI.

⁹⁵ Работа Мериме о Тургенове, воспроизводившаяся* при повторных французских изданиях «Дыма», вошла в состав сборника его статей: «Portraits historiques et littéraires». Цитируется здесь по переводу Е. В. Виноградовой.

⁹⁶ Данные о прототипах персонажей «Дыма» собраны в комментарии к этому роману. См.: Тургенев, Сочинения, IX, стр. 417—437.

⁹⁷ Имеется в виду императрица Евгения.

⁹⁸ Полустиише Пушкина из «Будрыс и его сыновья» написано Мериме по-русски латинскими буквами: «k a k k o t i o n o k o u p e t c h k i».

⁹⁹ «L'Europe Nouvelle», 1929, № 585, 27 avr., pp. 538—539.

¹⁰⁰ «Lettres à une inconnue», II, p. 334.

¹⁰¹ «Русское Обозрение», 1894, кн. 1, стр. 27—28.

¹⁰² Mongault, p. CXXXVII.

¹⁰³ Ibid., p. CXXXVI.

¹⁰⁴ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», под ред. М. К. Лемке, III, СПб. 1912, стр. 7.

¹⁰⁵ «Lettres à une inconnue», II, p. 337.

¹⁰⁶ Ibid., II, p. 330.

¹⁰⁷ «Lettres à la famille Delessert», pp. 189, 202.

¹⁰⁸ Mongault, p. CXVI.

¹⁰⁹ Ibid., pp. CXXXIV—CXXXV.

¹¹⁰ Ibid., p. CIX.

¹¹¹ «Lettres à une inconnue», II, p. 363.

¹¹² Mongault, pp. CXVI—CXVIII.

¹¹³ Ibid., p. CXVIII.

¹¹⁴ Ibid., p. CXXXVI.

¹¹⁵ «L'Europe Nouvelle», 1929, № 585, 27 avr., p. 539.

¹¹⁶ «Recueil des discours, rapports et pièces diverses lus dans les séances publiques et particulières de l'Académie Française. 1870—1879». 1-ère partie, P., 1876, pp. 452—453.

¹¹⁷ Этими же инициалами «И. Т.» были подписаны в августовских и сентябрьских номерах «С.-Петербургских Ведомостей», того же 1870 г., корреспонденции Тургенева о франко-прусской войне.

¹¹⁸ Точная дата смерти Мериме не была известна Тургеневу, когда он писал некролог. Только позднее узнал он, что «едва разборчивая» записка Мериме от 23 сентября была помечена днем кончины писателя.

¹¹⁹ Суть этого дела заключалась в следующем. Один из друзей Мериме, математик и библиофил Либри Каруччи делла Соммайя, член Французской академии и Института, назначенный в 1842 г. инспектором народного образования, был заподозрен в хищениях редких изданий и рукописей из инспектируемых им столичных и провинциальных библиотек. Рапорт производившего следствие прокурора Букли, поданный 4 февраля 1848 г. Гизо и задержанный всеильным министром, покровительствовавшим Либри, был найден и опубликован в печати после Февральской революции. Либри был привлечен к судебной ответственности по обвинению в систематических хищениях книг и автографов, оцененных суммой в 500 000 франков. Успев скрыться в Лондон и переправить туда свою библиотеку, он был заочно присужден к 10 годам заключения и к отрешению от всех должностей. Нашлись, однако, голоса в защиту Либри—между ними и голос Мериме. Будучи уверен в невинности своего друга и находя неавторитетной и ошибочной произведенную библиографами экспертизу, Мериме опубликовал в «Revue des Deux Mondes», в книжке от 15 апреля 1852 г., свои замечания по экспертизе, а в книжке от 1 мая дальнейшие возражения на ответ экспертов. Ввиду резкости высказанных замечаний, Мериме был, в свою очередь, привлечен к ответственности за оскорбление должностных лиц и присужден к двухнедельному аресту и 1 000 франков штрафа.

¹²⁰ Следует отметить лишь еще два письма Мериме о Тургеневе. Одно из них, адресованное доктору Робену, помечено 30 июня и гадательно датировано Шамбоном 1868 г.:

«Мой друг г. Тургенев, русский романист, находится сейчас в Бадене. Он мне писал об онемении, поразившем его левую руку и длившемся пять минут. Выслушавший его немецкий врач признал болезнь сердца. Он совсем не похож на сердечного больного. Он—великан. Так как ему необходимо выяснить, в чем дело, то он запросил меня письмом, кто считается в Париже специалистом по сердечным болезням. Будьте добры, ответьте мне на этот вопрос. Дело идет о жизни одного из любезнейших людей нашего времени, а их у нас так мало». См.: Ch a m b o n (F.), Notes sur Prosper Mérimée, P., 1902, p. 419—420.

Записку эту можно вполне точно датировать 1869 г. при сопоставлении с опубликованными отрывками из писем Мериме к Тургеневу от 19 мая и 30 июня 1869 г., в которых французский писатель, «постоянно больной», переживающий «скверные ночи и еще более отвратительные пробуждения», рекомендовал своего врача, д-ра Робена, «лечащего только его». См.: M o n g a u l t, p. CXXIX. Ср. также письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 5 июня н. ст. 1869 г.—«Русское Обозрение», 1894, кн. 3, стр. 26—27.

В томике «Lettres à la famille Delessert» (p. 58) приведена недатированная записка, адресатом которой назван виконт Алекси де Валон:

Дорогой друг,

Г-н Тургенев живет на улице Риволи, 210. Я уезжаю. Я все жду появления вашей новеллы.

Весь ваш

Пр. Мериме

Пятница вечером.

Предложенную редактором тома писем к Делессер датировку (25 мая 1850 г.) приходится отвергнуть, так как в записке указан парижский адрес Тургенева 1861—1863 гг. Вместе с тем приходится отвергнуть и предложенного адресата, так как А. де Валон умер 20 августа 1851 г.

¹²¹ Тургенев повторял, например, следующий, вполне анекдотический рассказ: Мериме, разговаривая как-то с Виктором Гюго, сказал: «Quand je parle du plus grand poète de notre siècle...». Гюго думал, что речь идет о нем, и перебил его:

«Voyons, assez, n'en parlons pas...». — «Je parle de Pouchkine», — возразил Мериме. См.: Н е л и д о в а Л., Памяти И. С. Тургенева. — «Вестник Европы», 1909, кн. 9, стр. 235—236.

В текст «Речи о Пушкине» Тургенев включил общую оценку, данную Мериме русской литературе:

«Ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою; наши поэты, напротив, идут совсем противоположной дорогой: они хлопчут прежде всего об эффекте, остроумии, блеске, и если ко всему этому им предстанет возможность не оскорбить правдоподобия, так они и это, пожалуй, возьмут в придачу... У Пушкина, прибавлял он, поэзия чудным образом расцветает как бы сама собою из самой трезвой прозы». См.: Т у р г е н е в, Сочинения, XII, стр. 230.

В разговоре с Луканиной Тургенев вспоминал:

«Однажды Мериме сказал мне вещь, которую я никогда не забуду, — он сказал, что «русское искусство через правду дойдет до красоть». См.: А. Л., Мое знакомство с Тургеневым. — «Северный Вестник», 1887, кн. 3, стр. 53.

Рассказы Тургенева о Мериме сохранились в воспоминаниях Я. П. Полонского («Нива», 1884, № 4, стр. 90), М. М. Ковалевского («Минувшие Годы», 1908, кн. 8, стр. 14—15), Л. Фридлендера («Вестник Европы», 1905, кн. 10, стр. 832), Л. Пича («Иностранная критика о Тургеневе», 2-е изд., стр. 90).

¹²² Письмо от 12 августа ст.ст. 1870 г. См.: «Щукинский сборник», вып. VIII, М., 1909, стр. 415—416.

¹²³ Письмо от 9 сентября н. ст. 1870 г. См.: «Письма И. С. Тургенева к Людвигу Пичу. Ред., вступ. статья и примечания Л. Гроссмана», Л., 1924, стр. 115—116.